

Знакомство с жизнью и учением Шри Раманы Махарши

Беседа Дэвида Годмана с Джоном Дэвидом

Около десяти лет назад в Раманашираме один австралиец предложил мне встретиться с группой преданных из Австралии и поговорить с ними о Рамане Махарши. Я согласился, но, придя на встречу, обнаружил, что на самом деле готовилось некое формальное интервью с пригласившим меня человеком, а австралийские преданные при этом должны были играть лишь роль слушателей.

В ходе этого интервью были затронуты самые разнообразные темы. И поскольку выяснилось, что интервьюер, Джон Дэвид, очень мало знал о жизни и учении Бхагавана, то большая часть времени нашего диалога была потрачена на исправление имевшихся у него многих ошибочных представлений об этом. Позднее, прочтя текст записи, я увидел, что, благодаря счастливому стечению обстоятельств, необходимость возвращения к основам и исправления неверных представлений превратила это интервью в идеальный вводный материал о жизни и учении Бхагавана для тех людей, которые либо мало знают об этом, либо не знают ничего. Именно для такой категории интересующихся текст этого интервью уже в течение нескольких лет размещается на моём сайте как материал, рекомендуемый для прочтения.

По завершении нашей беседы Джон Дэвид сообщил мне о своём несогласии с тем, как я объясняю учение Бхагавана об уме. Он выразил желание, чтобы я публично продискутировал этот вопрос с одним известным ему западным учёным-ведантистом. Я отказался. Вместо этого я дополнил отредактированный текст интервью ещё несколькими страницами, чтобы дать ещё более подробное описание того, каким было истинное учение Бхагавана об уме.

Таким образом, данная статья представляет собой отредактированную и расширенную версию интервью. И даже по прошествии десяти лет я всё ещё чувствую, что она является идеальным ознакомительным материалом для тех людей, которые хотели бы получить краткое описание жизни и учения Раманы Махарши.

Джон Дэвид: Не могли бы вы для начала рассказать нам что-нибудь о раннем периоде жизни Раманы Махарши? О том, как в юном возрасте, в то время, когда он ещё жил в Мадуре, произошло его пробуждение.

Дэвид Годман: Имя, данное ему от рождения, было Венкатараман. Он родился в Тиручули, маленьком городке штата Тамил-Наду, в семье южноиндийских браминов. Это была благочестивая семья, по уровню

достатка принадлежавшая к среднему классу. Его отец, Сундарам Айяр, по профессии был «недипломированным адвокатом». Он был ходатаем по юридическим вопросам частных лиц, не имея при этом никакого формально подтверждённого права на юридическую практику. Однако, несмотря на такое препятствие, его практика, судя по всему, была успешной, и среди людей он пользовался высоким авторитетом.

Сундарам Айяр, отец Бхагавана.

Детство Венкатарамана было обычным, в этот период не проявлялось никаких признаков его будущего величия. Он был хорошим спортсменом, ленивым школьником, озорству предавался в средней степени и проявлял мало интереса к религиозным вопросам. Однако при этом у него всё же было несколько нестандартных особенностей. Во время сна, например, он входил в состояние такого глубокого забытья, что даже грубое физическое воздействие со стороны друзей не будило его. Ему также сопутствовала необычайная удача. К примеру, в командных играх всегда побеждала та команда, на чьей стороне он играл. За это он получил прозвище «Тангакай», означающее «Золотая рука». Такое прозвище присваивается людям, степень везения которых намного выше средней. Кроме этого, Венкатараману был присущ естественный талант понимания тонкостей литературного тамильского языка. Уже в раннем подростковом возрасте он разбирался в этой области настолько хорошо, что исправлял своего школьного учителя по тамильскому языку, если тот допускал какие-нибудь ошибки.

**Шри Рамана Махарши.
Самая ранняя фотография, сделана в 1902 году.**

Когда Венкатараману было двенадцать лет, умер его отец, после чего семья переехала в Мадурай, город в южной части Тамил-Наду. И в 1896 году в шестнадцатилетнем возрасте Венкатараман пережил необыкновенное духовное пробуждение. Он находился в доме своего дяди, когда внезапно у него возникла мысль, что он умирает. Он испугался, но вместо того, чтобы паниковать, просто лёг на пол и стал анализировать происходящее. Он начал размышлять о том, что представляет собой смерть: что должно умереть, а что останется незатронутым смертью. Он спонтанно начал проводить само-исследование, которое через несколько минут достигло кульминации в его собственном непрерывном пробуждённом состоянии.

В одном из своих редких письменных комментариев он написал: «Задавая внутренний вопрос “Кто этот видящий?”, я увидел растворение видящего, оставляющее только То, Которое присутствует всегда. Не возникало никакой мысли, чтобы засвидетельствовать: “Я вижу”. И как тогда могла возникнуть мысль, чтобы сказать: “Я не вижу”». В течение нескольких мгновений его отождествление с личностью исчезло и было замещено полным осознанием Атмана, Истинного Я. Это переживание, это осознание

осталось с ним навсегда. Он больше не нуждался ни в каких практиках или медитациях, поскольку переживание смерти привело его в состояние полного и окончательного освобождения. Это очень редкое явление в духовном мире, – когда человек, не проявлявший интереса к духовной жизни, смог в течение нескольких минут без какого-либо усилия или предварительной практики достичь состояния, которого другие ищущие пытаются достичь на протяжении целого ряда жизней.

Я говорю «без усилия», поскольку это воспроизведение смерти и последующее само-исследование было похоже на нечто случившееся с ним самопроизвольно, а не на целенаправленные действия. Описывая это событие своему телужскому биографу, он ни разу не использовал местоимение «я». Он говорил: «Тело лежало на земле, конечности вытянулись», и так далее. В частности, это описание и в самом деле оставляет читателя с ощущением, что это событие было совершенно безличностным. Какая-то сила захватила тело Венкатарамана, заставила его лечь на пол и в итоге заставила понять, что смерть возможна только для тела и чувства личности, но она не затрагивает лежащую в основе всего реальность, в которой они оба возникают.

Когда юноша Венкатараман поднялся, он был полностью реализованным мудрецом, правда, не имеющим никаких культурных или духовных знаний, чтобы должным образом оценить то, что с ним произошло. Ранее ему доводилось читать биографии некоторых тамильских святых и присутствовать при проведении многих храмовых ритуалов, однако ничто из этого, похоже, не помогло ему разобраться в том новом состоянии, в котором он пребывал.

ДД: Какой была его первая реакция? Что, по его мнению, с ним произошло?

ДГ: Годы спустя, вспоминая это переживание, он говорил, что думал в тот момент, что заболел каким-то странным заболеванием. Однако он считал эту болезнь настолько приятной, что надеялся, что не выздоровеет от неё. А в какой-то момент, вскоре после этого опыта, его посещали даже мысли о том, что он одержим. Когда он обсуждал эти события с Нарасимхасвами, его первым англоязычным биографом, то, описывая свою первую реакцию, он несколько раз употребил тамильское слово *авесам*, означающее одержимость каким-нибудь духом.

ДД: Обсуждал ли он это с кем-нибудь? Пытался ли он выяснить, что с ним произошло?

ДГ: Из членов своей семьи Венкатараман никому не сказал о том, что с ним случилось. Он старался и дальше вести себя так, как будто ничего не происходило. Он продолжал ходить в школу и поддерживать видимость обычного поведения в семье. Однако с течением времени ему становилось всё труднее выдерживать этот образ, поскольку он всё больше и больше притягивался внутрь себя. В конце августа 1896 года, когда в качестве

наказания за неправильно выполненное школьное задание ему пришлось заново переписывать текст урока, он впал в состояние глубокой поглощённости Атманом.

Его брат заметил ему презрительно: «Какая польза во всём этом для такого человека, как этот?» Он имел в виду, что нет никакого смысла в семейной жизни для того, кто проводит всё своё время, как йог.

Справедливость этого замечания поразила Венкатарамана, заставив его принять решение навсегда покинуть дом. На следующий же день он ушёл, никому не сказав, ни что с ним случилось, ни куда он идёт. Он оставил лишь записку, в которой говорилось, что он уходит ради «благого дела» и что не следует тратить деньги на его поиски. Его целью была гора Аруначала, большой паломнический центр, находившийся в нескольких сотнях миль к северу от Мадурая. В записке к своей семье он написал: «Я ушёл отсюда в поисках моего отца, и подчиняясь его приказу». Его отцом была Аруначала, и, оставляя свой дом и семью, он следовал внутреннему призыву, исходившему от этой горы. Его смелое путешествие в Тируваннамалай, продолжавшееся три дня, могло бы занять меньше одного дня, если бы он был лучше осведомлён относительно дороги. Он прибыл туда 1 сентября 1896 года и провёл там остаток жизни.

ДД: Не могли бы вы для тех, кто мало знает об Аруначале, рассказать о том, что представляет собой это место и каково его значение? И, если можно, расскажите также, каким оно могло быть тогда, когда туда пришёл Рамана Махарши.

ДГ: Город Тируваннамалай с горой Аруначалой, тесно с ним связанной, всегда был крупным паломническим центром. Сердце и душа этого города не очень изменились за последние времена, несмотря на наличие авто-рикш, телевизионных антенн и широко разросшихся пригородов. Культурная основа и стиль существования жителей Тируваннамалай, похоже, веками остаются неизменными. В XIII столетии на обратном пути из Китая Тамил-Наду посетил Марко Поло. Его описание того, чем занималось местное население и как оно жило, является очень знакомым и для теперешних местных горожан.

В Тируваннамалае находится один из главных южноиндийских храмов Шива-*Лингама*. Существует пять таких храмов, каждый из которых связан с одним из пяти элементов: землёй, водой, огнём, воздухом и эфиром. *Лингам* Тируваннамалай связан с огнём.

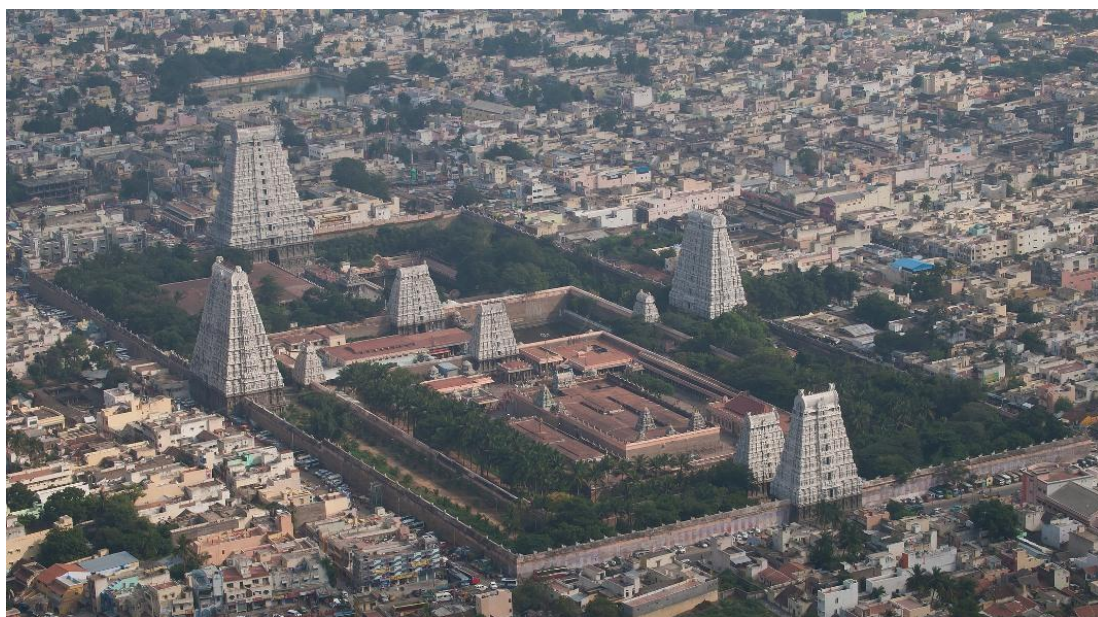
История возникновения самых ранних памятников этого места восходит приблизительно к 500 году нашей эры. Именно с этого времени оно стало известным. В те дни по Тамил-Наду путешествовали святые, превознося Аруначалу как место обитания Шивы и советуя каждому там побывать. Более ранние исторические следы совершенно отсутствуют, поскольку тогда местные жители ещё не вели записей и не строили каменные сооружения, которые могли бы сохраниться.

Известные нам памятники появились в результате значительно более поздней традиции, неожиданно возникшей около 1500 лет назад вследствие масштабных культурных сдвигов, в результате которых началось возведение соответствующих монументов и ведение записей. Я бы сказал, что в этом историческом контексте Рамана Махарши был самым последним и, возможно, самым знаменитым представителем всей плеяды выдающихся святых людей, привлечённых силой этого места, по крайней мере, за последние два тысячелетия.

ДД: Когда был построен большой храм?

ДГ: Этот храм нарастал квадратными слоями, как бы изнутри наружу. Когда-то это, вероятно, было только святилище размером с маленькую комнату. Вы сами можете проследить его развитие во времени, поскольку стены храма являются чем-то вроде государственного архива. Всякий раз, выигрывая войну со своим соседом, правитель приказывал высечь на стене памятный знак в честь этого события. Или если он дарил 500 акров земли лицу, к которому был в тот момент благосклонен, то соответствующий знак также высекался на храмовой стене. Это то место, где можно увидеть, кто побеждал в сражениях, а также что и кому дарил правитель.

Самые ранние надписи на внутреннем святилище, называемые эпитафиями, относятся к девятому веку. Вероятно, тогда оно и было построено. Постепенно храм разрастался всё больше и больше, и так продолжалось примерно до XVII столетия. В XVII веке он достиг своих теперешних размеров. Тем людям, которые никогда не видели этого сооружения, я должен сказать, что оно огромно. Думаю, что каждая из четырёх сторон имеет длину около 200 ярдов, а высота главной башни составляет более 200 футов.

Храм Аруначалешвара

ДД: Это и есть то место, куда пришёл Бхагаван по прибытии в Тируваннамалай?

ДГ: Когда Бхагаван был ещё очень юным, он интуитивно знал, что Аруначала в каком-то смысле является Богом. В одном из своих стихотворений он написал: «С поры моего беззаботного детства величие Аруначалы сияло в моём сознании». Тогда он ещё не знал, что это место можно посетить. Такая ассоциация возникала у него просто в связи со словом «Аруначала». Он чувствовал, что «это самое святое место, самое святое состояние, это сам Бог». Он благоговел перед Аруначалой и тем, что она олицетворяла, на самом деле даже не понимая, что это было место паломничества, где он мог побывать физически. Так продолжалось до тех пор, пока он не стал подростком и один из его родственников не сказал, вернувшись из паломничества: «Я ходил к Аруначале». Бхагаван говорил, что это стало для него разочарованием. До этого он представлял себе это место неким великим небесным царством, куда святые, просветлённые люди попадали после смерти. Обнаружение того факта, что он мог доехать туда на поезде, стало в какой-то степени обманом его ожиданий.

Его первой реакцией на слово «Аруначала» было абсолютное благоговение. Затем наступил короткий период разочарования, когда он осознал, что это было просто место на карте. Однако ещё позднее, после переживания просветления, он понял, что именно сила Аруначалы вызвала это переживание и физически притянула его к ней.

Стихотворение, из которого я привёл цитату, отражает ранний этап отношений Раманы Махарши с горой:

«Взгляни, вон Аруначала стоит, словно бездушная. Таинственным является её проявление, оно за пределами человеческого понимания. С поры моего беззаботного детства величие Аруначалы сияло в моём сознании, но когда я узнал от кого-то, что это был всего лишь Тируваннамалай, я не понял, что она собой представляет. Когда она остановила мой ум и притянула меня к себе, и я пришёл к ней, я увидел, что она является абсолютной неподвижностью».

Последняя строка содержит очень интересную игру слов. На санскрите слово «ачала» означает и «гора», и «абсолютная неподвижность». С одной стороны, это стихотворение описывает физическое паломничество Бхагавана в Тируваннамалай. Но смысл его состоит также и в том, чтобы показать, как ум возвращается в Сердце и становится абсолютно тихим и неподвижным.

Когда Шри Рамана пришёл, и это то, чего вы не найдёте ни в одной из его стандартных биографий, он остановился перед храмом. Храм в это время был закрыт, но все его двери, прямо ведущие к внутреннему святилищу, сами собой открылись перед ним. Он вошёл в храм, подошёл к *лингаму* и обнял его.

Делать известной эту версию развития событий он не хотел по следующим двум причинам. Во-первых, он не любил предавать огласке то, что вокруг него происходят чудеса. Когда такие события случались, он старался умалить их значение. Во-вторых, он знал, что храмовые служители будут очень возмущены, если узнают, что он прикасался к их *лингаму*. Несмотря на то, что он был брамином, священники назвали бы его действия осквернительными и распорядились бы провести сложную *пуджу* для восстановления святости *лингама*. Не желая их разочаровывать, он хранил молчание.

ДД: Да, только что мы пришли из храма, и на нём висел огромный замок.

ДГ: Да. Как правило, никому из посторонних не разрешается приближаться к *лингаму*. Уход за ним является наследственной профессией. Никому из тех, кто не принадлежит к соответствующей родовой линии, не позволено проникать за металлическое ограждение, установленное на расстоянии около десяти футов перед *лингамом*.

Эта история имеет ещё один интересный аспект. С момента просветления Бхагавана в Мадуре в его теле оставалось ощущение сильного жжения, которое сразу же ушло, как только он обнял *лингам*. Прикосновение к *лингаму* либо заземлило, либо рассеяло дававшую о себе знать некую энергию. Храмовый *лингам* является не только символом Аруначалы. Его считают самой Аруначалой. Объятие *лингама* было завершающим актом физического единения Бхагавана с его Гуру, Аруначалой.

Мне больше не доводилось читать о каком-либо ещё посещении Бхагаваном внутреннего святилища. Вероятно, это был единственный раз, когда он туда приходил. Одного визита было достаточно для выполнения именно этой части процесса.

Бхагаван всегда любил физическую форму Аруначалы и старался проводить на склонах горы как можно больше времени; при этом, однако, те отношения, которые касались храмового *лингама*, были реализованы в течение всего лишь нескольких минут его визита к нему в 1896 году.

ДД: Прав ли я, полагая, что с того момента он надолго задержался в пределах храма?

ДГ: После столь удивительного визита он ещё несколько месяцев провёл в храме, находясь в самых разных его частях. В день своего прибытия он выбросил в мусорный бак все свои деньги. Он обрил голову, что является знаком физического отречения. Он выбросил всю одежду и сел в храме, храня безмолвие и часто входя в состояние глубокого *самадхи*, в котором он совершенно не сознавал своё тело и окружение. Это было его судьбой — остаться в живых и стать великим учителем, поэтому люди принудительно кормили его и ухаживали за ним другими способами. Если бы не его судьба, которой надлежало осуществиться, то он, по всей вероятности, должен бы

был либо оставить своё тело вследствие переживаемых состояний, либо умереть от заброшенности. На протяжении первых трёх или четырёх лет, проведенных здесь, он преимущественно не сознавал ничего из того, что его окружало. Он редко ел, и в какой-то момент его тело начало разлагаться. На его ногах в нескольких местах открылись гнойные язвы, но он этого даже не замечал.

ДД: Это когда он сидел в чём-то вроде подвала?

ДГ: Да. Вы там были? Это место называется Патала Лингам. Он провёл там около шести недель. Его затем пришлось оттуда выносить и приводить в порядок. О проведенных там первых годах он говорил, что тогда он мог открыть глаза и не знать, как долго он не сознавал мир. Он вставал и пытался сделать несколько шагов. Если он чувствовал в ногах достаточно сил, то делал вывод, что не сознавал своё тело в течение относительно недолгого периода времени, возможно, одного или двух дней. Если же его ноги подкашивались, когда он пытался идти, то он понимал, что находился в глубоком *самадхи*, скорее всего, в течение многих дней, а, может быть, и недель. Бывало, что он открывал глаза и обнаруживал, что находится не в том месте, где он был, когда их закрывал. Он не помнил ничего из перемещений своего тела с одного места на другое в пределах того или иного храмового *мантапама*.

Патала Лингам

ДД: Признавал ли его кто-нибудь великим святым или хотя бы незаурядным человеком?

ДГ: Таких было мало. Сешадри Свами, который также был местным святым, обнаружил Бхагавана, когда тот сидел в Патала Лингаме. Он пытался ухаживать за ним и защищать его, но без особого успеха. Бхагаван упоминал ещё одного или двух человек, которые интуитивно чувствовали, что он находится в очень высоком состоянии. Но в те дни таких людей было совсем мало.

ДД: Это были люди из храма?

ДГ: Сешадри Свами жил везде на территории этой местности. Возможно, было ещё два или три человека, которые тоже уже тогда признавали Бхагавана кем-то особенным. Некоторые люди почитали его только потому, что он вёл весьма аскетическую жизнь. Но были и другие, кто, по-видимому, знал, что он находится в высоком состоянии. Дед человека, ставшего впоследствии юристом ашрама, был одним из тех, кто, по словам Бхагавана, имел полное понимание того, кем Бхагаван был на самом деле.

Сешадри Свами

ДД: В тот период по его поведению можно было решить, что он немного сумасшедший, да? К примеру, этим утром в ашраме я видел человека в

набедренной повязке. Он говорил с французским акцентом. Он мог быть и великим святым, и идиотом. В тот момент в этом нелегко было разобраться.

ДГ: Здесь в этом смысле людям вполне доверяют, особенно если они сидят целый день совершенно неподвижно и не принимают пищу. Это трудно имитировать. Вы не сможете просидеть в позе полного лотоса несколько дней подряд только ради бесплатной еды. Однако это ещё не показатель того, что человек просветлён. При жизни Бхагавана здесь был один человек, который сидел в полном лотосе и с закрытыми глазами по восемнадцать часов в сутки. Его звали Говинд Бхат, он жил в Палакотту, поселении *садху*, примыкавшем к Раманашраму. Он пытался привлечь преданных, даже несмотря на то, что был жив Бхагаван. Однако ему это не очень удавалось. В конце концов, именно просветлённость, а не физические трюки привлекают настоящих преданных.

ДД: А как случилось, что Рамане Махарши пришлось перебраться отсюда на гору?

ДГ: Вы были в месте, которое называется Гурумуртам? Это храм, находящийся примерно в миле от города. Человек, ухаживавший за Бхагаваном, пригласил его прийти и поселиться в манговом саду рядом с этим храмом. Там он провёл около полутора лет. За все пятьдесят четыре года его пребывания здесь это место его жительства было самым отдалённым от горы. Но даже там он преимущественно не создавал своё тело и мир. Он говорил, что его ногти отросли до нескольких дюймов. Он не расчёсывал и не мыл свои волосы в течение двух лет. Много лет спустя, он заметил по этому поводу, что если волосы не расчёсывать, то они очень сильно спутываются и очень быстро растут. К концу пребывания в Гурумуртаме у него были длинные спутанные волосы и длинные ногти.

Гурумуртам

Он рассказывал, что в храме ему был слышен шёпот людей, доносившийся снаружи: «Этот человек находится здесь уже сотни лет». Из-за высокой степени аскетизма он выглядел старым, несмотря на свой всего лишь восемнадцатилетний возраст.

ДД: Судя по тому, что вы рассказываете, всегда было ясно, что Рамана Махарши был святым.

ДГ: Ясно для кого? Об этом легко говорить теперь, спустя много времени, а тогда многие люди из местного населения не придавали ему совершенно никакого значения. В 1900 году в Тируваннамалае жило, наверное, около 20000 человек. Если двадцать человек навещали его регулярно, а остальных он не волновал, то это значит, что 99,9% местного населения либо не знали о нём ничего, либо он не интересовал их в той степени, чтобы они захотели к нему прийти.

Дядя Бхагавана, приезжавший сюда в 1890-х гг., чтобы забрать его домой, спрашивал жителей города: «Чем он занимается? Почему он так себя ведёт?» Ответы, которые он получал, не были позитивными. Дяде пришлось поверить, что он был просто бездельником, которого следует вернуть в семью. Даже в более поздние годы многие жители Тируваннамалаи имели о нём невысокое мнение. Люди, оставившие записи о Бхагаване, были из числа тех, кто стал его преданными, поэтому те мнения о нём, которые были опубликованы, являются несколько односторонними.

ДД: Когда ему было двадцать или около того, были ли у него такие преданные, которые уже тогда приходили, чтобы быть рядом с ним?

ДГ: Он пришёл сюда, когда ему было шестнадцать, и на протяжении следующих двух или трёх лет возле него только иногда кто-нибудь один находился постоянно. Плюс ещё несколько человек, посещавших его от случая к случаю.

На самом деле постоянно люди стали к нему приходить только в первые годы прошлого столетия. В начале первого десятилетия двадцатого века у него появилась маленькая группа последователей. Несколько человек регулярно приносили ему еду, и ещё несколько человек были его частыми посетителями. Большое количество ищущих приходило из любопытства, только чтобы посмотреть на него и уйти. Кроме таких туристов, рядом с ним постоянно находилось, по-видимому, ещё четверо или пятеро преданных.

ДД: Это были местные люди?

ДГ: В основном местные. Одна женщина по имени Акхиландамма, жившая примерно в сорока милях отсюда, изредка приходила из своей деревни и приносила Бхагавану еду. Ещё один человек, Шивапракашам Пиллай, жил в

другом городе, но за *даршаном* приходил регулярно. А остальные почти все жили здесь, в Тируваннамалае.

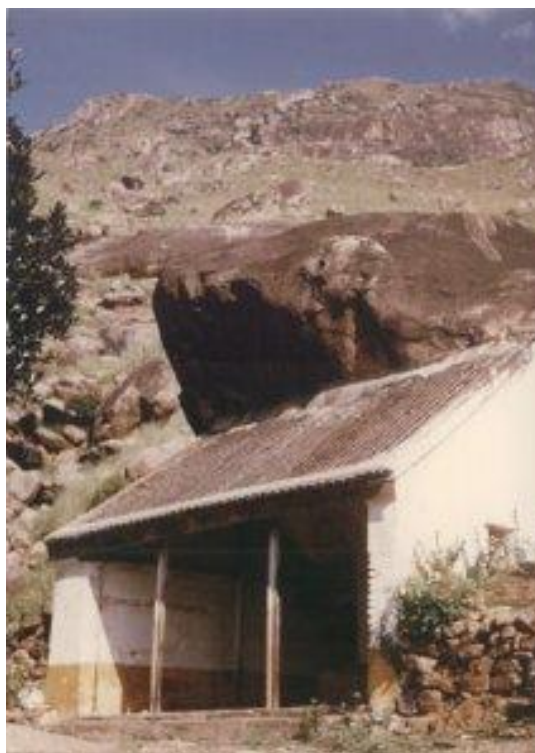
Шивапракашам Пиллай

ДД: И он перебрался из мангового сада на гору?

ДГ: Около 1901 года он переселился в Пещеру Вирупакша и прожил там около пятнадцати лет. Однако там невозможно было жить круглогодично – летом там было слишком жарко. Около восьми месяцев в году Бхагаван жил в этой пещере, а затем перебирался в какую-нибудь другую близлежащую пещеру или святыню, такую, например, как храм Гухай Намашивая, или Пещера Садгурусвами, либо место, называемое Манго-пещерой.

***Гопурам* над входом в храм Гухай Намашивая.**

Вход в Пещеру Вирупакша.

Фото было сделано до того, как была проведена большая современная реконструкция, в рамках которой к фронтальной части была добавлена новая комната.

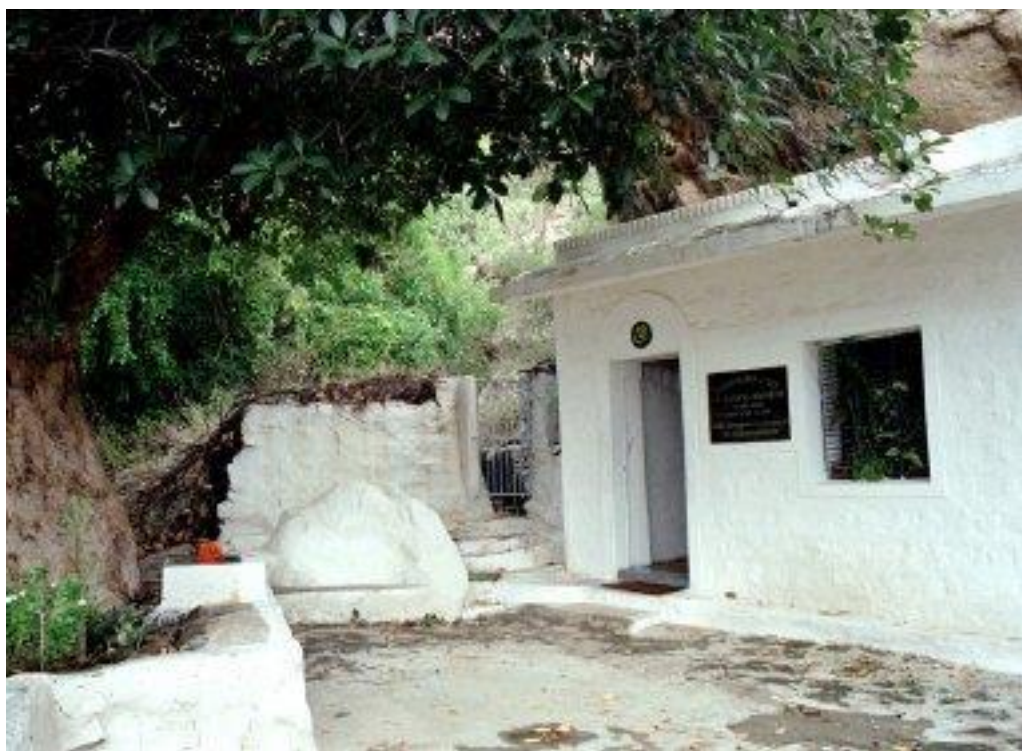

Самадхи святого Вирупакши, содержащее, по преданию, *вибхути*, в который превратилось его тело в момент физической смерти.

Все эти места находятся менее чем в пяти минутах ходьбы от Пещеры Вирупакша. Немного ниже по склону от этой пещеры есть большой водоём, Мулайпал Тиртхам. Он обеспечивал *садху* водой. Все они зависели от этого водоёма, поэтому все их пещеры и хижины были расположены не слишком далеко от него.

ДД: Сейчас там что-то вроде фермы, много коров и прочего такого.

ДГ: Всё меняется.

Вход в Пещеру Вирупакша сейчас.

ДД: Но на самом деле там целый поток, протекающий прямо рядом с пещерой. Когда бы я там ни был...

ДГ: Он не течёт там круглый год, и, когда Бхагаван перешёл в эту пещеру, его там не было вообще. Однажды летом случилась сильная гроза, ставшая причиной лавины, которая унесла с собой много камней, находившихся рядом с пещерой. После уборки мусора обнаружилось, что из соседней скалы бьёт родник. Преданные говорили, что это подарок Аруначалы, и, похоже, Бхагаван был согласен с ними.

ДД: Наверное, это хоть и небольшое, но хорошее водное обеспечение.

ДГ: Всё очень зависит от сезона. Хорошие дожди шли у нас только полторы недели. Если дождей нет, ручей пересыхает за неделю, так что это не такой уж хороший источник.

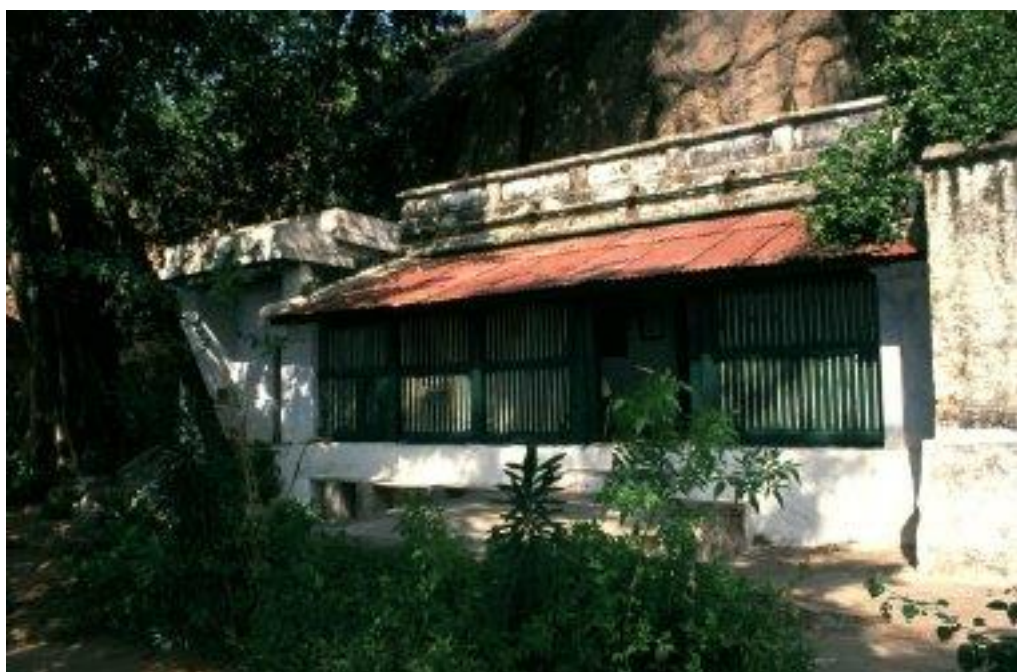
ДД: Это тот же ручей, который течёт через Скандашрам?

ДГ: Нет, Пещера Вирупакша имеет свой собственный родник. Скандашрам располагает, наверное, самым лучшим родником на этой стороне горы. Этого родника также не существовало, когда Бхагаван переселился на гору. Когда он пошёл туда на прогулку, – это в нескольких сотнях футов выше по склону от Пещеры Вирупакша, – то заметил участок влажного грунта и посоветовал там копать, чтобы проверить, нет ли там хорошего водного источника. И он действительно там был, и ручей, который течёт теперь через Скандашрам, является лучшим постоянным источником воды на всей горе. Это около 600 футов выше города.

ДД: Значит ли это, что в те дни Скандашрама ещё не было?

ДГ: Нет. Он назван так в честь человека, имя которого было Кандасвами и который начал его строительство в первые годы прошлого столетия.

Кандасвами проделал на горе большую работу. Когда он начинал, угол этого крутого склона составлял 45 градусов. Он копал вглубь горы и использовал выкопанную землю и камни для создания ровной террасы на этом склоне. Он посадил много кокосовых пальм и манговых деревьев, которые растут здесь до сих пор. Сейчас это прекрасное место, тенистый оазис на склоне горы.

Главное строение Скандашрама.

ДД: Значит, когда Бхагаван переселился туда, там всё было очень хорошо устроено. Там было несколько строений и терраса?

ДГ: Терраса была, и молодые деревья были посажены, но там была только одна маленькая хижина, недостаточно просторная, чтобы вместить всех. Со временем преданные собрали какую-то сумму пожертвований и построили сооружение, которое можно здесь видеть и сейчас.

ДД: Вам известно, сколько людей было тогда с Бхагаваном? Полдюжины?

ДГ: В Пещере Вирупакша их было в среднем четыре или пять человек. Ко времени перехода Бхагавана в Скандашрам, среднее число ашрамитов увеличилось, наверное, до десяти или двенадцати. Я говорю о людях, живших с Бхагаваном постоянно и ночевавших рядом с ним. Было также много других людей, которые просто приходили и уходили.

ДД: Значит, по сути, даже уже в пещере были люди, жившие вместе с ним?

ДГ: Да, они ели вместе с ним и спали там ночью. Многие из них днём уходили по каким-нибудь своим делам. Они не находились там круглосуточно. Кстати, все они были мужчинами. До приезда в 1914 году матери Бхагавана только мужчинам разрешалось спать в Пещере Вирупакша. Даже при том, что не было никаких формальных правил, люди, жившие с Бхагаваном, были склонны считать себя *садху*, соблюдающими целибат. Они рассматривали пещеру только как чисто мужской ашрам.

Сначала эти *садху* не хотели, чтобы мать Бхагавана жила вместе с ними. Однако после того как Бхагаван заявил: «Если вы заставите её уйти, то я уйду вместе с ней», они вынуждены были уступить и позволить ей остаться.

ДД: Значит, когда он жил в пещере, он не был в «уединённом убежище» или в «тишине отшельничества». Понимаете, Бхагаван всегда видится в образе абсолютно безмолвного, абсолютно одинокого человека.

ДГ: В разные периоды своей жизни он вёл себя по-разному. В конце 1890-х гг., в последние годы своего второго десятилетия, он почти никогда ни с кем не общался. Большую часть времени он просто сидел с закрытыми глазами либо в главном храме, либо в близлежащих храмах и святынях. Он был в курсе происходящего вокруг, о чём свидетельствует то, что в поздние годы своей жизни он часто вспоминал события той эпохи, однако в то время он почти никогда не разговаривал. Период редко нарушаемого молчания продолжался около десяти лет, вплоть до 1906 года. Он не принимал обета молчания, он просто временно утратил способность к членораздельной речи. Когда он пытался заговорить, из его горла вырывались лишь какие-то невразумительные гортанные звуки. Иногда ему приходилось делать три или четыре попытки, чтобы выговорить слово. И, поскольку говорить ему было очень трудно, он предпочитал молчать.

Около 1907-1908 гг., когда у него восстановилась способность нормально говорить, он начал общаться с окружающими его людьми вербально. До этого он также проводил много времени, бродя в одиночестве по Аруначале. Он любил гулять по её склонам. Это было его большой страстью, его единственной привязанностью.

ДД: И только в одиночестве? Он гулял один?

ДГ: Иногда он брал с собой людей на короткие прогулки. Но в основном он гулял один.

ДД: Упоминается ли в записях, кто был его первым учеником? Хотя, возможно, «первый ученик» – это не совсем правильное выражение.

ДГ: Среди ухаживавших за ним в первые годы его пребывания здесь были люди, которых можно назвать его самыми ранними преданными. Самым известным из них был Паланисвами, который ухаживал за ним с 1890-х гг. вплоть до своей кончины в 1915 году. Они были неразлучны почти двадцать лет.

Паланисвами

ДД: Значит, этот человек жил в пещере вместе с Бхагаваном?

ДГ: Да, он был постоянным жителем Пещеры Вирупакша. Вместе с Бхагаваном он также жил и в Гурумуртаме.

ДД: И постепенно привлекались новые люди и становились постоянными преданными. По-видимому, никакого формального посвящения не было?

ДГ: Я совершенно ничего не знаю о том, кто принимал решения вроде: «Хорошо, этой ночью ты можешь спать здесь». Не было никакого управления, никакой контролирующей службы.

Каждый мог прийти и находиться рядом с Бхагаваном, даже круглосуточно, если было такое желание. Если кто-то задерживался до ночи, то он мог и ночевать здесь. Если была еда, то все получали свою часть.

Бхагавана никогда особо не интересовало, кто присутствует, а кто отсутствует, кому разрешается остаться, а кому нет. Если люди хотели остаться, они оставались, и, если они хотели уйти, они уходили.

ДД: И так, наверное, было всегда. То есть он никогда активно не занимался управлением ашрамом, не так ли?

ДГ: В период Вирупакши работы было не много. Это была община собирающих подаяние *садху*, которые оставались с Бхагаваном, лишь когда чувствовали такую потребность. Люди шли в город, просили милостыню на улицах, собирали еду и приносили её в Пещеру Вирупакша. Бхагаван все это смешивал, раздавал, и это было едой на весь день. Если её собиралось недостаточно, люди голодали. Никто не занимался готовкой, поэтому, кроме проводившейся иногда уборки, другой работы не было. Кухонная работа началась, только когда в 1914 году приехала мать Бхагавана. Со временем постепенно всё пришло к тому, что, если кто-то хотел жить рядом с Бхагаваном постоянно, он должен был работать.

Даже сейчас те люди, которые ежедневно питаются и спят в ашраме, должны там работать. Это место не для тех, кто хочет весь день проводить в медитации. Если вы хотите заниматься медитацией, вы должны жить в каком-нибудь другом месте.

ДД: Значит, такой уклад уже существовал, когда они переселились в Скандашрам?

ДГ: Когда Бхагаван перешёл в Скандашрам, всё было уже немного организованней. Однако вплоть до 1920-х гг. это всё ещё была община нищенствующих *садху*. В 1890-х гг. Бхагаван тоже ходил просить милостыню. Я бы не сказал, что он поощрял прошение подаяния, но он считал это хорошей традицией. Идти просить еду, есть то, что дают люди, спать под деревом и просыпаться ни с чем. Он искренне одобрял такой образ жизни, но не мог ему следовать, однажды осев и оказавшись окружённым ашрамом, выросшим вокруг него.

ДД: И он носил только набедренную повязку?

ДГ: В самом начале на протяжении первых нескольких месяцев он ходил обнажённым. Спустя примерно два месяца после его прибытия в храм проходило большое празднество. Несколько преданных подняли Бхагавана и надели на него набедренную повязку, поскольку знали, что его могли арестовать, если бы увидели сидящим в таком священном месте без одежды. На протяжении большей части своей жизни он носил только набедренную повязку, иногда дополненную *дохоти*, которое он повязывал на уровне подмышек, а не на талии. Зимой по утрам здесь бывает довольно холодно, однако никогда не замечалось, чтобы он нуждался ещё в какой-нибудь одежде.

ДД: Когда ашрам начал расширяться?

ДГ: Переселение со склонов горы было весьма значимым событием в жизни Бхагавана. Когда в 1922 году умерла его мать, её похоронили там, где сейчас находится ашрам. Это место было выбрано по той причине, что в те дни там находилось индуистское кладбище. Бхагаван продолжал жить в Скандашраме, но через шесть месяцев он оттуда ушёл, спустился с горы и больше не возвращался. Он никогда не рассказывал о причинах, заставивших его поселиться у подножья. Он только говорил, что у него не возникало больше никакого желания возвращаться в Скандашрам. Так был основан существующий сейчас Раманашрам.

ДД: Значит, ашрам построен на месте индуистского кладбища?

ДГ: Да. В те дни кладбище находилось далеко за пределами города. Сейчас город разросся, вобрав в себя Раманашрам, и теперешнее индуистское кладбище находится в миле от города.

ДД: Как ашраму удалось получить всю эту землю?

ДГ: Место, где была похоронена мать Бхагавана, на самом деле принадлежало *матху*, религиозному учреждению, находившемуся в городе. Человек, возглавлявший это учреждение, был высокого мнения о Бхагаване. Поэтому он отдал эту землю начавшему своё становление Раманашраму. Когда мать Бхагавана умерла, преданные должны были просить у главы *матха* разрешения на захоронение её в этой земле, но никаких проблем не возникло, поскольку он также был преданным.

ДД: А первая постройка? Это было святилище над могилой матери?

ДГ: Ну, святилище — это слишком громкое слово в данном случае. Есть прекрасная фотография этого места, снятая в 1922 году, вскоре после того, как Бхагаван обосновался на этом месте. Тогда единственным здешним строением была хижина из пальмовых листьев. Вид у неё был такой, что,

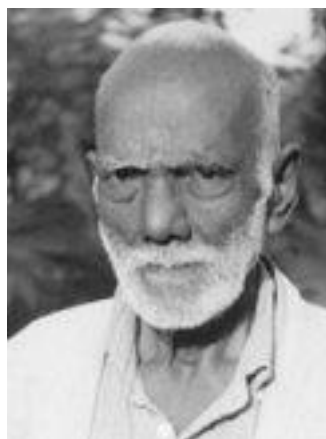
казалось, она рухнет после первого же сильного порыва ветра. Люди, приходившие к Бхагавану в то время, говорили, что в помещении, где он жил, не было места даже для двух человек. Это и было первым строением ашрама – хижина из листьев кокосовой пальмы, которая, вероятно, даже пропускала воду, когда шёл дождь.

Зарождение Шри Раманашрама в 1922 году.

ДД: Сейчас здесь очень красиво – водоём, деревья, павлины. А восемьдесят лет назад, наверное, всё было очень примитивным?

ДГ: Я разговаривал с человеком, который расчищал землю в этом месте. Он рассказывал, что здесь были большие валуны, много кактусов и зарослей колючего кустарника. Здесь не было леса. Это не подходящий климат для пышного леса и почвы здесь мало. Гранит здесь часто залегает близко к поверхности, есть много скальных выходов. Этот человек, Рамасвами Пиллай, говорил, что первые шесть месяцев он потратил на выворачивание валунов с помощью лома, вырубку кактусов и разравнивание земли.

Рамасвами Пиллай

**Теперешний вход в Шри Раманашрам.
Дерево илуппай (на переднем плане), ко времени основания ашрама в
1922 году уже росшее здесь.**

ДД: Бхагаван принимал участие в строительстве, когда оно началось?

ДГ: Не думаю, что это он построил первую хижину из пальмовых листьев, однако после переселения на это место он проявил себя как очень практичный организатор. Первое подобающее сооружение над Самадхи Матери было спроектировано и построено лично им. Вы видели, как здесь делают кирпичи?

ДД: Возможно.

ДГ: Это напоминает изготовление куличей из песка. Сначала вы делаете форму для кирпича. Затем вы собираете земляную глинистую массу в кучу, далее, используя форму, лепите из этой массы тысячи кирпичей, которые затем выносите на солнце для просушки. Когда они достаточно просохнут, вы укладываете их в специальное сооружение размером с дом, в основании которого проделаны большие отверстия для закладки дров внутрь. Это печь, внешняя поверхность которой замазывается мокрой глинистой массой, а в основании разжигается пламя. Когда огонь разгорается, основание тоже запечатывается. Кирпичи выпекаются в горячей бескислородной среде аналогично тому, как производится древесный уголь. Через два или три дня огонь затухает, и, если всё шло нормально, получаются хорошие кирпичи. Но если пламя погасло слишком рано или если во время обжига шёл дождь, то кирпичи не приготавливаются как следует. Когда такое случается, часто вся партия бракуется, потому что кирпичи получаются мягкими и крошащимися, напоминая скорее бисквиты, чем кирпичи.

В 1920 году кто-то пытался изготавливать кирпичи возле ашрама, но выпечка оказалась неудачной, и все наполовину пропёкшиеся кирпичи были оставлены. Бхагаван, не выносивший никакого расточительства, решил использовать все эти коммерчески непригодные кирпичи для строительства святилища над могилой матери. Одной ночью он выстроил всех, кто был в ашраме, в линию между печью для обжига и ашрамом. Кирпичи передавались из рук в руки, пока их не набралось достаточно для строительства. На следующий день Бхагаван укладывал их вместе с преданными, и совместными усилиями вокруг самадхи была построена стена. Много работы по внутренней стороне этой стены Бхагаван проделал самостоятельно, подчиняясь мнению людей, считавших, что, поскольку это сооружение впоследствии должно стать храмом, внутренние работы должны быть выполнены брамином.

Это было единственное сооружение, которое он построил сам, но спустя годы, когда возводились большие гранитные здания, составляющие большую часть строений современного ашрама, он был и архитектором, и инженером, и инспектором. Он бывал на стройке ежедневно, отдавая распоряжения и контролируя общий ход строительства.

ДД: Вы говорите, что он «не выносил расточительства». Не могли бы вы остановиться на этом немного подробнее?

ДГ: Смысл его подхода заключался в том, что всё, что приходило в ашрам, было Божьим даром и должно было правильно использоваться. Он мог найти на кухонном полу просыпавшиеся когда-то горчичные зёрна, подобрать их ногтями и настоять на том, чтобы они были сохранены и использованы. Он срезал чистые поля сигнальных экземпляров издававшихся в ашраме книг и переплетал их, делая таким образом маленькие блокноты. Он мог готовить

еду из таких, например, частей овощей, как колючие концы баклажанов, которые обычно выбрасываются. Он признавал, что он несколько фанатично относится к этому.

Однажды он заметил: «Это хорошо, что я никогда не был женат. Ни одна женщина не смогла бы смириться с моими привычками».

ДД: Возвращаясь к его строительной деятельности, как именно он участвовал в принятии решений по ходу строительства? Например, решал ли он, куда должны выходить двери и окна строения?

ДГ: Да. Он выражал своё мнение либо вербально, либо делая маленькие наброски на обратной стороне конвертов или на обрывках бумаги.

ДД: Тот Бхагаван, которого вы описываете сейчас, совершенно отличается от того Бхагавана, который днями сидел, пребывая в состоянии *самадхи*. Большинство людей думает, что он провёл всю свою жизнь, тихо сидя в холле и ничего не делая.

ДГ: Он не любил сидеть в холле целый день. Часто он называл его своей тюрьмой. Если Бхагаван находился вне холла, занимаясь какой-нибудь работой, и в это время к нему приходили посетители, то кто-нибудь шёл к нему и сообщал, что требуется его присутствие в холле. Там он обычно встречался с новыми людьми.

Тогда он говорил со вздохом: «Пришли люди. Я должен вернуться в тюрьму».

ДД: «Надо идти сидеть на кушетке».

ДГ: Да. «Надо идти сидеть на кушетке и рассказывать людям, как стать просветлёнными».

Бхагаван любил все виды физической работы, но особенно он любил готовить еду. Он был шеф-поваром ашрама в течение, как минимум, пятнадцати лет. Ежедневно он просыпался в два или три часа ночи, резал овощи и контролировал готовку. Когда в 1920-1930-х годах в ашраме возводились новые здания, он также был главным инженером и архитектором.

Контроль строительства.

ДД: Я думаю, что то, о чём вы только что рассказывали, является в определённом смысле очень важным в целом. У людей уже есть устоявшееся мнение о Бхагаване. Большинство из них представляет его себе человеком, сидящим с блаженным видом на кушетке и ничего не делающим. Тот, кого описываете вы, – совершенно другой человек.

ДГ: Его состояние не менялось с шестнадцатилетнего возраста, но его внешняя деятельность изменялась. В начале своей жизни возле Аруначалы он хранил безмолвие и редко что-либо делал. Спустя тридцать лет, распорядок его жизни стал беспокойным и загруженным, однако его переживание того, кем он был, и в этот, более поздний, активный, период оставалось непоколебимым.

ДД: Мне нравится стиль вашего рассказа, потому что в какой-то степени вы развенчиваете множество духовных мифов.

ДГ: Бхагаван никогда не чувствовал себя комфортно в ситуациях, когда он должен был сидеть на диване в окружении сидящих на полу людей и исполнять роль «Гуру». Ему нравилось работать и жить с людьми, взаимодействуя с ними обычным, естественным образом. Однако с течением лет возможностей для такого образа жизни становилось всё меньше и меньше.

Одной из проблем было то, что часто люди просто трепетали перед ним в благоговейном страхе. Большинство из них просто не могли, находясь рядом с ним, вести себя нормально. Им хотелось поставить его на пьедестал и почитать, как божество, однако не было похоже, чтобы он одобрял такое отношение к себе.

Есть несколько хороших историй о том, как новые люди вели себя с ним естественно и в ответ получали его естественную реакцию. Майор Чадвик писал, что, бывало, Бхагаван приходил в его комнату после обеда, рассматривал его вещи, словно любознательный ребёнок, садился на кровать и разговаривал с ним. Однако, когда однажды Чадвик, ожидая прихода Бхагавана, поставил для него специальный стул, визиты прекратились. Чадвик возвёл «друга», могущего запросто к нему заглянуть, в ранг Гуру, которому следовало оказывать особое почтение и предоставлять особое кресло. Когда возникли эти формальности, визиты закончились.

ДД: То есть, он видел себя не «Мастером», а «другом».

ДГ: У Бхагавана не было мнений по поводу самого себя. Он просто реагировал на то, что о нём думали окружающие его люди и как они к нему относились. Он мог быть другом, отцом, братом, божеством, в зависимости от того, какое отношение к нему было у преданных. Одна женщина была убеждена, что Бхагаван был её грудным ребёнком. У неё была маленькая кукла, похожая на Бхагавана, и в присутствии Бхагавана она убаюкивала её, как младенца. Её вера в эти отношения была так сильна, что у неё появлялось молоко, когда она держала свою куклу-Бхагавана.

Похоже было, что Бхагаван одобрял любые отношения «Гуру-ученик», которые удерживали внимание преданных на Атмане или форме Гуру, но в то же время он всё-таки любил и получал удовольствие от тех людей, которые относились к нему, как к обычному человеку.

Иногда Бхагаван говорил, что не имеет значения, кем вы считаете Гуру, пока вы можете думать о нём постоянно. Как пример крайнего случая, он приводил историю о двух людях, живших в древние времена, которые достигли просветления, ненавидя Бога так сильно, что просто не могли не думать о Нём. Есть тамильская фраза, переводимая как «Мать-отец-Гуру-Бог». Многие люди именно так к нему и относились.

Однако сам Бхагаван говорил, что он никогда ни с кем не чувствовал себя Гуру, находящимся в отношениях «Гуру-ученик». Он открыто утверждал, что у него нет учеников совсем, поскольку, по его словам, с позиции Атмана нет никого, кто отличался бы или был бы отделён от него.

Будучи Атманом и зная, что существует только Атман, он знал, что нет непросветлённых людей, которые нуждались бы в просветлении. Он говорил, что видит вокруг себя одних лишь просветлённых людей.

Высказываясь таким образом, Бхагаван действовал, как подлинный Гуру по отношению к тысячам людей, веривших в него и пытавшихся воплотить в жизнь его учение.

ДД: В течение какого периода Бхагаван проявлял активный интерес к строительным работам?

ДГ: Ашрам начал заменять сооружения из листьев кокосовой пальмы каменными строениями примерно в 1930 году. Период большого строительства длился с 1930 по 1942 гг. Храм Матери был построен уже после этого, но Бхагаван не вёл тщательного контроля его проектирования и строительства. Эта работа была передана по субподрядному договору экспертам храмового строительства. На строительную площадку храма Бхагаван приходил, но в архитектурных и инженерных разработках особо не участвовал.

ДД: Значит, посетители, приходившие на протяжении этих двенадцати лет, могли и не застать Бхагавана сидящим на кушетке. Его можно было найти где-нибудь вне холла, работающим или контролирующим рабочих?

ДГ: Это зависело от времени прихода. У Бхагавана был определённый режим, которого он придерживался. Он всегда находился в холле во время утренних и вечерних песнопений, каждое из которых длилось около сорока пяти минут. Он находился там также по вечерам, беседуя со всеми теми работниками ашрама, которые не могли видеть его в течение дня, поскольку были заняты выполнением своих обязанностей в разных частях ашрама. Он мог там быть, когда приходили посетители, желавшие с ним поговорить. Он совершал регулярные прогулки по склонам горы или в Палакотту, поселение, прилежавшее к ашраму. Эти прогулки совершались в основном после еды. Смотря по обстоятельствам, он мог найти для себя ещё какое-нибудь занятие. Если никому и ни для чего не требовалось его присутствие в холле, он мог пойти посмотреть, как идут дела на кухне, или же он мог пойти в коровник ашрама, чтобы проверить, всё ли в порядке у коров. Если шло большое строительство, он часто приходил туда, чтобы проконтролировать ход работ. Правда, на строительные площадки он приходил преимущественно после обеда, когда у всех остальных наступало время послеобеденного отдыха.

Он следил за работой многих работающих, и не только тех, кто был занят на строительстве. В холле под его присмотром преданные могли переплетать книги или заменять книжные переплёты; повара работали, выполняя его указания, и так далее. Единственной сферой деятельности, которая, казалось, совершенно его не привлекала, была работа администрации ашрама. Он позволил своему брату осуществлять здесь

весьма свободное управление, хотя изредка всё же вмешивался, когда чувствовал, что что-то из того, что должно быть сделано, оставалось без внимания.

В ранний период, до 1926 года, он также довольно регулярно совершал обходы основания Аруначалы.

ДД: Его кто-нибудь при этом сопровождал?

ДГ: Да, в более поздние годы его сопровождали большие толпы людей, идя по городу, он мог встречать ещё больше ожидавших его людей, которые пытались его накормить либо приглашали его в свои дома. Он отклонял все эти приглашения. После 1890-х гг. он никогда не входил в городские частные дома.

В 1926 году он прекратил обходы горы, потому что люди начали ссориться из-за того, кому следовало оставаться в ашраме. Никому не хотелось оставаться, но кто-то, тем не менее, всегда должен был находиться на месте, чтобы охранять собственность ашрама.

В конце концов Бхагаван сказал: «Если я прекращу эти обходы, то ссор по поводу того, кто останется, больше не будет».

И больше он таких прогулок никогда не совершал.

ДД: Вы говорили, что он был очень простым человеком, любившим людей, ведущих себя естественно. Я полагаю, что животных он тоже любил.

ДГ: Почти всех из них. Я читал, что он не очень любил кошек, но подтверждения этого мне не известны. Насколько я знаю, он любил всех животных ашрама. Особую приязнь он питал к собакам, обезьянам и белкам.

ДД: И они, по-видимому, тоже жили в ашраме?

ДГ: Бхагаван не раз говорил, что люди ашрама захватывают землю, принадлежащую животным, и что местные дикие животные имеют на неё первоочередное право. Он никогда не одобрял изгнания животных лишь на том основании, что людям требуется больше места, или потому, что некоторые люди не любят, когда рядом с ними находятся животные. Он всегда принимал сторону животных, когда бы ни возникал вопрос о том, чтобы их выгнать или причинить им неудобство каким-нибудь другим способом.

На его диване жили белки. Они поселились в помещении и из травы, которой покрывались крыши, устроили себе гнёзда прямо над его головой. Они бегали по всему его телу и производили на свет малышей в его диванных подушках. Иногда он мог случайно сесть на одного из них и задушить. Они были повсюду.

ДД: Он производит впечатление очень естественного человека, для которого быть окружённым животными являлось нормальным и естественным.

ДГ: Это было естественным и нормальным для него, но для многих собиравшихся вокруг него людей это не было естественным и нормальным. Бхагавану всегда приходилось отстаивать интересы животных, чтобы быть уверенным, что с ними обращаются надлежащим образом и не причиняют им неудобства без надобности.

Большой новый холл, каменное здание перед Храмом Матери, был построен для Бхагавана в 1940-х гг. Старый холл, в котором он жил с конца 1920-х гг. стал к тому времени слишком мал для толп людей, стремившихся его увидеть. Новый холл был большим помпезным гранитным помещением, похожим на храмовый *мантап*. Однако на некоторых людей и на многих животных он действовал отпугивающе.

Когда Бхагавану показали, где он будет сидеть, он спросил: «А как же белки? Где они будут жить?»

Там не было никаких ниш, где белки могли бы укрыться, и никакого травянистого материала, который они могли бы использовать для своих гнёзд. Бхагаван также сетовал на то, что здание будет отпугивать некоторых бедняков, которые захотят к нему прийти. Он всегда смотрел на подобные вещи с позиции наиболее уязвимых существ, будь то животные или люди.

ДД: Та большая каменная кушетка кажется предназначенной не для того человека.

ДГ: Да, она совершенно не в его стиле. Здесь был скульптор, работавший над его статуей как раз в то время, когда делались завершающие штрихи в новом холле. Когда Бхагавану сообщили, что новая резная гранитная кушетка предназначена для него, он сказал: «Так пусть каменный свами и сидит на этой каменной кушетке». В конце концов, он перешёл в этот холл, поскольку ему больше нигде было встречаться с большим количеством посетителей, но он не пробыл там долго.

ДД: Это произошло примерно за год до того, как он оставил своё тело?

ДГ: Храм над *самадхи* Матери был освящён в марте 1949 года, и Бхагаван перешёл в новый холл вскоре после этого. В том году у него был выявлен рак, саркома, возникшая на руке. Она физически так его истощила, что он не мог дойти до ванной комнаты и вернуться. По этой причине его ванная комната была превращена в комнату для постоянного жительства. Там он и провёл несколько последних месяцев своей жизни.

ДД: Это то место, которое называется комнатой *самадхи*?

ДГ: Да. В 1940-х гг. в ашрам пришла одна энергичная тамильская женщина по имени Джанаки Амма. Когда она попросила, чтобы ей показали женскую ванную комнату, ей ответили, что такой здесь нет. Она добилась, чтобы такая комната была сделана, и впоследствии именно там Бхагаван провёл свои последние дни. К новому холлу, в который он переселился в 1949 году, эта комната была расположена ближе других. В то время она принадлежала только ему, поскольку никто не хотел создавать ему неудобства, заставляя его идти куда-нибудь дальше. Он запретил оказывать ему помощь, когда он шёл туда, даже тогда, когда он был крайне слаб. Вы смотрели видео о последнем годе его жизни?

ДД: Возможно.

ДГ: Мучение на это смотреть. На его коленях были огромные опухоли, которые раскачивались из стороны в сторону. Эти кадры ясно дают понять, что он был чрезвычайно изнурён, но при этом он никому не позволял помогать ему передвигаться. Есть одна сложная каменная ступенька в дверном проёме нового холла. Преданным оставалось лишь совершенно бесполезно стоять рядом, когда Бхагаван пытался преодолеть это препятствие. Он никому не разрешал оказывать ему поддержку. Наконец, когда эта ступенька оказалась слишком тяжёлым препятствием, он перешёл в ванную комнату и оставался там до своего ухода в апреле 1950 года.

ДД: Правда ли то, что в это время он был всё ещё доступен?

ДГ: Он очень настаивал на том, чтобы любой, кто желал его увидеть, мог получить *даршан* хотя бы один раз в день. Когда люди поняли, что он уже не пробудет здесь долго, толпы увеличились. В течение последних нескольких недель здесь давался «даршан на ходу». Люди проходили гуськом мимо его комнаты, один за другим совершая перед ним *пранам*.

ДД: И так продолжалось до последнего дня?

ДГ: Да, он дал свой последний публичный *даршан* в полдень того дня, когда умер.

ДД: Да, я действительно встречал человека, который проходил мимо Бхагавана за день до его смерти.

ДГ: Он настаивал на том, чтобы люди имели к нему максимально возможный доступ. Вплоть до 1940-х гг. двери его комнаты оставались открытыми двадцать четыре часа в сутки. Если вы хотели увидеть его в три часа ночи, никто не мог препятствовать вам в этом. Если у вас были какие-нибудь проблемы, вы могли прийти к нему среди ночи и рассказать обо всём.

ДД: Значит, даже несмотря на то, что он много работал – резал овощи, ходил на стройку и так далее, – он, в сущности, всегда был доступен?

ДГ: В тот период его жизни он не был окружён слишком большим количеством людей. Вы говорите о тех годах, когда он принимал активное участие в приготовлении пищи и строительстве. В те дни, если на встречу с ним приходила группа людей, он шёл в холл, чтобы узнать, зачем они пришли.

Все, кто жил в ашраме, должны были там работать. Вы могли работать либо в коровнике, либо на кухне, в саду, в офисе и т.д. Жителям ашрама не позволялось сидеть с Бхагаваном целый день, поскольку каждый должен был выполнять какую-нибудь работу. По вечерам все работники ашрама собирались вокруг Бхагавана и в течение нескольких часов могли в свою очередь общаться с ним. Посторонние посетители по вечерам уходили домой. Те люди, с которыми он встречался в холле днём, были проходящими посетителями, среди которых было несколько преданных, чьи дома находились поблизости.

ДД: Мог ли каждый свободно задать Бхагавану вопрос?

ДГ: Теоретически да, но многие люди испытывали слишком сильный страх перед Бхагаваном, чтобы позволить себе обратиться к нему. Иногда он мог сказать что-нибудь, не дожидаясь вопроса. Он любил рассказывать истории о знаменитых святых и часто рассказывал о событиях своей жизни, происходивших в разные в её периоды. Он был прекрасным рассказчиком, и, когда бы он ни рассказывал какую-нибудь хорошую историю, он, как актёр, изображал всевозможных её героев. Он мог так увлечься, что часто даже начинал плакать, когда речь заходила о каком-нибудь особенно трогательном моменте.

ДД: Следовательно, представление о нём, как о человеке, хранившем тишину, на самом деле ошибочное?

ДГ: Он *был* безмолвным большую часть суток. Он говорил людям, что предпочитает хранить тишину, но он и разговаривал, часто даже часами, когда был в соответствующем настроении.

Я не имею в виду, что каждый, кто к нему приходил, получал немедленный вербальный ответ на свой вопрос. Вы могли прийти и задать ему, казалось бы, вполне серьёзный вопрос, но Бхагаван мог проигнорировать его. Он мог пристально смотреть в окно, не подавая даже вида, что он хотя бы услышал то, что вы ему только что сказали. Другой же мог войти, спросить его о чём-нибудь и получить немедленный ответ. Иногда это было похоже на некую лотерею, и всё же каждый в итоге получал то, в чём он нуждался или чего заслуживал. Бхагаван давал ответ на то, что происходило в умах людей, находившихся перед ним, а не просто отвечал на

их вопросы, и, поскольку он был единственным, кто мог видеть, что происходит в ментальной сфере обращавшихся к нему людей, посторонним людям его ответы иногда казались совершенно случайными или произвольными.

Многие посетители могли его о чём-нибудь спросить и не получить словесного ответа, но позже они обнаруживали, что одно лишь пребывание в его присутствии само по себе принесло им мир или дало требуемый ответ. Именно таков был вид ответа, который предпочитал давать Бхагаван: тишина, целительный поток милости, приносивший людям мир; это не было просто устным ответом, интеллектуально устраивающим задавшего вопрос.

ДД: Когда он начал учить, и каким было его учение? Мне рассказывали, что, когда он жил в пещере на горе, кто-то пришёл к нему и спросил, каково его учение. И он, кажется, написал для этого человека маленький буклет. Можете ли вы сказать что-нибудь об этом?

ДГ: Это был 1901 год. У Бхагавана не было даже тетради. Человек по имени Шивапракашам Пиллай пришёл к нему и стал задавать вопросы. Основной его вопрос звучал так: «Кто я? Как я могу узнать, кем я являюсь на самом деле?» Диалог развивался, исходя из этого вопроса, но ни одного слова не было произнесено. Бхагаван писал свои ответы пальцем на песке, поскольку это был период, когда ему трудно было воспроизводить звуки. С помощью такого примитивного письменного способа были даны краткие, ёмкие ответы.

Шивапракашам Пиллай не записывал эти ответы. После каждого нового вопроса Бхагаван стирал свой предыдущий ответ и писал пальцем следующий. Когда Шивапракашам Пиллай пришёл домой, он записал всё, что ему удалось запомнить из этого безмолвного разговора.

Около двадцати лет спустя он опубликовал эти вопросы и ответы в качестве приложения к краткой биографии Бхагавана, которую он написал и издал. Думаю, что в этом первом изданном варианте было тринадцать вопросов и ответов. Преданные Бхагавана высоко оценили этот материал. Раманашрам издал его в виде отдельного буклета, и с каждым изданием добавлялось всё больше и больше вопросов и ответов. В самой длинной версии их около тридцати.

По какой-то причине в 1920-х гг. Бхагаван переписал эти вопросы и ответы в виде эссе, одни ответы изложив более подробно, а другие убрав. Теперь это эссе называется «Кто я?» и издаётся в «Собрании сочинений» Бхагавана, а также отдельно в виде небольшого буклета. Оно представляет собой просто краткое изложение ответов, которые Бхагаван написал пальцем более двадцати лет назад.

Шивапракашам Пиллай

ДД: Оно выглядит довольно кратким.

ДГ: Да, в большинстве книг оно занимает где-то около десяти страниц.

ДД: Ключевым в нём является вопрос «Кто я?», верно?

ДГ: Эссе называется «Кто я?», но охватывает многие темы: природу счастья, чем является мир, как он возникает, как он исчезает. Также в одной из его частей подробно объясняется, как проводить само-исследование.

ДД: Расскажите что-нибудь об этом. Лично я много лет читаю о само-исследовании, но полной ясности в том, что это такое, у меня нет. Является ли это тем, что должно выполняться по утрам в качестве практики? Это выполняется только единожды или регулярно? Похоже ли это на дыхательную технику или это разновидность медитации?

ДГ: Пападжи всегда говорил: «Сделайте это один раз, но правильно». Это идеальный путь, но я знаю лишь двух или трёх человек, которые сделали это только один раз и получили правильный ответ – прямое переживание Атмана. Эти люди уже были готовы получить прямой опыт, поэтому, когда они задавали себе этот вопрос, Атман давал правильный ответ, правильное переживание.

Пападжи

ДД: Так было и с самим Пападжи?

ДГ: Пападжи никогда не практиковал само-исследование, однако он настоятельно рекомендовал эту практику, когда начал учить.

Хорошим примером, подтверждающим возможность получения правильного ответа на вопрос «Кто я?», задав его себе лишь единожды, является случай Лакшманы Свами. Лакшмана Свами был преданным лишь несколько месяцев и в течение этого времени в качестве духовной практики повторял имя Бхагавана. В октябре 1949 года он сел в присутствии Бхагавана и закрыл глаза. Спонтанно в нем возник вопрос «Кто я?», и в качестве ответа его ум вернулся к своему источнику, в Сердце, никогда не поднимаясь снова. В его случае переживание было постоянным, это была истинная Само-реализация.

И этому не предшествовала предварительная практика само-исследования. Внутренний вопрос «Кто я?» возник совершенно спонтанно. Он не был вызван волевым усилием. Свами был готов к переживанию Атмана. В присутствии Бхагавана в нём возник вопрос, и в присутствии Бхагавана исчезло его чувство индивидуальности. На мой взгляд, пребывание в физическом присутствии Бхагавана на самом деле было столь же важным, как и вопрошание.

Многие другие люди задавали себе этот вопрос бесконечно, не получая того результата, который Лакшмана Свами получил после возникновения в нём этого вопроса лишь единожды.

И также я хотел бы отметить, что он получил свой опыт всего за несколько месяцев до ухода Бхагавана. Несмотря на то, что тело Бхагавана разрушалось, лишая его физических сил, его духовная сила, его физическое присутствие, оставались, по сути, такими же мощными, как и всегда.

ДД: Вы хотите сказать, что само-исследование не является постоянной практикой, что это не нечто такое, что мы должны тщательно выполнять ежедневно, ежечасно?

ДГ: Это *является* практикой для подавляющего большинства людей, и Бхагаван действительно побуждал людей выполнять её так часто, как только они могут. Он говорил, что эта практика должна упорно выполняться вплоть до момента реализации.

Однако это было не единственным его учением, и он не всем, кто к нему приходил, предписывал выполнение этой практики. Как правило, когда люди подходили к нему и просили духовного совета, он спрашивал их, какую практику они выполняют. Они называли вид своей практики, и его обычным ответом был следующий: «Очень хорошо, продолжайте это делать».

У него не было большого миссионерского рвения в отношении само-исследования, но он всё же говорил, что рано или поздно каждый должен прийти к само-исследованию, поскольку оно является единственным эффективным способом устранения индивидуального «я». Ему было известно, что большинство людей, обращавшихся к нему, предпочитало повторять имя Бога или поклоняться какой-нибудь Его форме. Поэтому он позволял им продолжать выполнение любой практики, которая была им близка.

Однако, если вы приходили к нему и говорили: «Сейчас я не выполняю никакой практики, но хочу стать просветлённым. Какой путь к достижению этого является самым быстрым и прямым?», он почти всегда отвечал: «Выполняйте само-исследование».

ДД: Говорил ли он открыто, что практика этого метода является самым быстрым и прямым путём?

ДГ: Да. Он говорил об этом во многих случаях, но навязывание этого метода было не в его стиле. Он хотел, чтобы преданные сами приходили к этому пути, когда они будут готовы.

ДД: Следовательно, несмотря на то, что он признавал любые виды практик, применяемых людьми, для него было совершенно очевидным, что самым быстрым и прямым средством является само-исследование?

ДГ: Да, и также он говорил, что вы должны его практиковать вплоть до момента реализации.

Бхагаван не считал это техникой, которую вы выполняете ежедневно в течение часа, сидя на полу со скрещенными ногами. Напротив, это то, что вы должны делать каждый момент вашего бодрствования, сочетая с любой деятельностью, в которую вовлечено ваше тело.

Он говорил, что новички могут начать выполнение само-исследования, сидя с закрытыми глазами, но от всех остальных ожидается его выполнение наряду с повседневной деятельностью.

ДД: Можете ли вы сказать по поводу данной техники, что каждый момент необходимо осознавать, что происходит в уме?

ДГ: Нет, это не имеет отношения к осознанию содержимого ума. Это очень специфический метод, цель которого – выяснить, откуда возникает чувство индивидуального «я». Само-исследование – это активное расследование, а не пассивное свидетельство.

Например, вы можете вспоминать о том, что вы ели на завтрак, или смотреть на дерево в саду. При само-исследовании вы не просто поддерживаете осознание этих мыслей, вы направляете ваше внимание на думающего, на того, у кого появляются эти мысли, на воспринимающего, у которого возникают эти восприятия. Это «я» думает, «я» воспринимает, и это «я» также является мыслью. Советом Бхагавана было сконцентрироваться на этом внутреннем чувстве «я», чтобы узнать, чем оно в действительности является. Выполняя само-исследование, вы стараетесь выяснить, откуда это чувство «я» появляется, вернуться в это место и остаться там. Это не просто наблюдение, это вид активного внимательного исследования, в ходе которого человек пытается узнать, как возникает чувство бытия отдельной личностью.

Вы можете исследовать природу этого «я», спрашивая себя «Кто я?» или «Откуда приходит это “я”?». Или же вы можете пытаться поддерживать постоянное осознание этого внутреннего чувства «я». Оба эти подхода считаются само-исследованием. Вы не должны предлагать ответы на этот вопрос, такие, например, как «Я – это сознание», поскольку любой ответ, который вы себе даёте, является концептуальным, а не эмпирическим. Единственным правильным ответом является прямое переживание Атмана.

ДД: То, о чём вы сейчас сказали, очень ясно, но это почти невозможно осуществить. На словах это просто, но я знаю из своего личного опыта, что выполнять это очень трудно.

ДГ: Это требует практики и убеждённости. Вы должны продолжать и не сдаваться. Практика медленно изменит привычки вашего ума. Выполняя само-исследование регулярно и постоянно, вы отрываете вашу сосредоточенность от поверхностных потоков мыслей и перемещаете её на то место, откуда сама мысль возникает. В этом конечном пункте вы начинаете переживать мир и неподвижность Атмана, и это даёт вам стимул для продолжения.

Бхагаван приводил для этого процесса очень хорошую аналогию. Представьте, что у вас есть бык и вы держите его в стойле. Если вы оставите дверь открытой, бык в поисках еды выйдет наружу. Он может найти еду, но большую часть времени он проведёт в беспокойстве, щипая траву на чужих полях. Хозяева этих полей будут бить его палками и швырять в него камни, чтобы его прогнать, но он будет возвращаться снова и снова и страдать повторно, поскольку ему не понятен смысл территориальных границ. Просто он запрограммирован на поиск пищи и её поедание, где бы он ни нашёл что-либо съедобное.

Бык – это ум, стойло – это Сердце, откуда он выходит и куда возвращается, а выпас в поле представляет собой болезненное пристрастие ума к поиску удовольствий во внешних объектах.

Бхагаван говорил, что большинство контролирующих ум техник сдерживают быка с целью остановить его передвижения, но они никак не влияют на его основное желание бродить повсюду и попадать в неприятности.

Вы можете лишь на время привязать ум с помощью *джапы* или контроля дыхания, но, когда эти ограничения ослабевают, он снова начинает бродить, попадает в ещё большие беды и снова страдает. Вы можете привязать быка, но ему это не понравится. Вы просто останетесь со злым, своенравным быком, который, вероятно, будет искать возможности совершить над вами какое-нибудь насилие.

Бхагаван сравнивал само-исследование с держанием пучка свежей травы перед носом быка. Как только бык приближается к нему, вы перемещаетесь в направлении дверей стойла, и бык следует за вами. Вы ведёте его назад в стойло, и бык добровольно идёт за вами, поскольку он хочет насладиться поеданием травы, которую вы перед ним держите. Как только он оказывается внутри стойла, вы разрешаете ему есть всю траву, запасы которой имеются там в изобилии. Но двери стойла всегда остаются открытыми, и бык всегда волен выйти и бродить вокруг в любое время. Нет никакого наказания или ограничения. Бык будет выходить наружу постоянно, поскольку такова природа этих животных – бродить в поисках еды. И каждый раз, когда они выходят, их ждёт наказание за скитания на запрещённых территориях.

Каждый раз, когда вы замечаете, что ваш бык вышел наружу, заманивайте его назад в его стойло, применяя ту же технику. Не пытайтесь бить его, чтобы добиться покорности, поскольку так вы сами можете подвергнуться нападению, и не пытайтесь решить проблему насильственным путём, заперев его.

Рано или поздно даже самый бестолковый бык поймёт, что, учитывая постоянно имеющийся неистощимый запас вкусной травы в стойле, нет смысла бродить повсюду за его пределами, так как это всегда ведёт к страданиям и наказаниям. Даже при том, что двери стойла всегда остаются открытыми, бык, наконец, остаётся внутри и наслаждается едой, которая имеется здесь всегда. Это и есть само-исследование.

Когда бы вы ни обнаружили, что ум блуждает повсюду, привлекаемый внешними объектами и чувственными восприятиями, возвращайте его назад в его стойло, которым является Сердце, источник, откуда он поднимается и куда возвращается. В этом месте он может наслаждаться миром и блаженством Атмана. Когда он в поисках удовольствия и счастья бродит где-нибудь снаружи, то попросту попадает в неприятности, но, оставаясь дома, в Сердце, он наслаждается миром и тишиной. И в итоге, невзирая на всегда остающиеся открытыми двери стойла, ум предпочтёт остаться дома, а не бродить вокруг.

Бхагаван говорил, что путь ограничения – это путь йоги. Практикующие йогу пытаются достичь обездвиженности ума, принуждая его быть неподвижным. Само-исследование предоставляет уму возможность блуждать, где бы он ни пожелал, и здесь успех достигается путём мягкого склонения ума к пониманию того, что он всегда будет более счастлив, оставаясь дома.

ДД: И именно тот момент, когда вы понимаете, что дома есть масса травы и поэтому нет причины выходить, вы называете пробуждением?

ДГ: Нет, я бы назвал это просто пониманием.

ДД: Только пониманием? Но ведь осознав, что копны травы имеются у вас дома, зачем вы пойдёте наружу?

ДГ: Убеждение, что есть что-то лучшее за пределами дома, принадлежит «я», и до наступления реализации это «я» вынуждено выходить.

Давайте ещё немного разовьём эту аналогию. То, что я собираюсь сейчас сказать, не является её продолжением, предложенным Бхагаваном, но связано с другими частями его учения.

Для реализации, для истинного и постоянного пробуждения, бык должен умереть. Пока он жив и пока дверь всё ещё открыта, для него всегда есть возможность заблудиться. Однако, если он умер, он больше никогда не выйдет наружу. Реализация означает мёртвый ум. Это не то состояние, в котором ум только временно переживает умиротворённость Атмана.

Когда ум добровольно идёт в Сердце и остаётся там, не чувствуя абсолютно никаких побуждений снова выскочить наружу, Атман разрушает его, и только Сам остаётся.

Это ключевой момент учения Бхагавана: Атман может только тогда уничтожить ум, когда ум не имеет никакой склонности к выходу наружу. Пока эти направленные наружу тенденции всё ещё присутствуют, даже в скрытой форме, ум всегда будет слишком сильным для Атмана, чтобы Он смог растворить его полностью.

Именно поэтому метод Бхагавана работает, а насильно ограничивающие методы – нет. Вы можете сдерживать ум десятилетиями, но такой ум никогда не будет поглощён Атманом, потому что желания,

тенденции, *васаны* всё ещё присутствуют. Они могут не проявляться, но они всё ещё здесь.

В конце концов, именно милость или сила Атмана устраняет последние остатки ума, свободного от желаний. Ум не может уничтожить себя сам, но он может предложить себя Атману как жертву. Через усилие, через исследование, человек может привести ум назад к Атману и держать его там в состоянии, свободном от желаний. И ум не может сделать ничего большего, чем это. В этот последний момент именно сила Атмана изнутри втягивает последние остатки ума назад в Атман и уничтожает его полностью.

ДД: Вы говорите, что в состоянии реализации ум мёртв. Однако создаётся впечатление, что просветлённые люди думают, помнят и так далее, в общем-то, так же, как и обычные люди. Для этого они должны обладать умом. Возможно, что они к нему и не привязаны, но он всё ещё должен присутствовать, иначе бы они не смогли действовать в этом мире. Тот, чей ум мёртв, должен быть зомби.

ДГ: Такое ошибочное представление имеется у многих, поскольку люди не могут вообразить, как человек может действовать, принимать решения, говорить и т.д. без участия ума. Вы делаете все эти вещи, используя ум, или, по крайней мере, вы думаете, что это так, поэтому, когда вы видите мудреца, который ведёт себя в этом мире обычным образом, вы автоматически считаете, что он тоже координирует все свои действия с помощью сущности, называемой «умом».

Вы думаете, что вы личность, обитающая в теле, поэтому, глядя на мудреца, вы автоматически делаете вывод, что он тоже является личностью, действующей посредством тела. Мудрец ни в коем случае так себя не видит. Он знает, что существует только Атман, что тело возникает в этом Атмане и выполняет определённые действия. Он знает, что все действия и слова, возникающие в этом теле, приходят только из Атмана. Он не делает ошибочного приписывания их воображаемой промежуточной сущности, называемой умом. В этом состоянии – без ума – никто не упорядочивает ментальную информацию, никто не думает о том, что делать дальше. Атман просто подсказывает телу, что делать или что говорить, что бы ни потребовалось сделать или сказать в данный момент.

Когда уходит ум, оставляя только Атман, тогда уходит тот, кто просчитывает дальнейшие действия, уходит думающий мысли, уходит воспринимающий объекты восприятия. Остаётся только Атман, и этот Атман заботится обо всём, что тело должно сказать или сделать. Тот, кто находится в этом состоянии, всегда делает самые правильные вещи, всегда говорит самые правильные вещи, поскольку все слова и все действия приходят прямо из Атмана.

Бхагаван однажды сравнил себя с радио. Из радио раздаётся голос, говорящий осмысленные вещи, которые кажутся продуктом рационального

мышления, продуманной мысли, но, если вы разберёте радио, вы не найдёте там никого, кто бы думал и решал.

Когда вы слушаете такого мудреца, как Бхагаван, вы не слышите слова, идущие из ума, вы слышите слова, идущие прямо из Атмана. В своих письменных трудах Бхагаван использует термин *«манонаша»*, описывающий состояние освобождения. Этот термин имеет совершенно однозначное толкование – «уничтоженный ум».

Ум, согласно Бхагавану, – это просто ложная идея, ошибочное представление. Он появляется, когда «я»-мысль, чувство индивидуальности, заявляет своё право собственности на все мысли и восприятия, которые обрабатываются мозгом. Когда такое случается, вы получаете ум, который говорит: «Я счастлив», или же: «У меня проблемы», или: «Вон там я вижу дерево».

Когда с помощью само-исследования ум растворяется в своём источнике, появляется понимание, что ум никогда не существовал, что он был лишь ложной идеей, в которую верили только потому, что её истинная природа и происхождение никогда правильно не исследовались. Иногда Бхагаван сравнивал ум с незванным гостем на свадьбе, который причиняет беспокойство и остаётся безнаказанным, потому что сторона невесты думает, что он представляет сторону жениха и наоборот. Ум не принадлежит ни Атману, ни телу. Он – просто некий нарушитель порядка, причиняющий беспокойство, поскольку мы никогда не утруждаем себя тем, чтобы узнать, откуда он берётся. Когда мы проводим такое расследование, ум, подобно назойливому гостю на свадьбе, просто растворяется и исчезает.

Позвольте мне привести вам прекрасное описание того, как говорил Бхагаван. Это выдержка из третьей части «Силы присутствия». Автором описания является Г. В. Суббарамая, который был в близких отношениях с Бхагаваном. Это описание очень хорошо иллюстрирует мой тезис о том, что слова мудреца исходят из Атмана, а не из ума:

«Манера Шри Бхагавана говорить сама по себе была уникальной. Его обычным состоянием было безмолвие. Он говорил так мало, что случайные посетители, видевшие его лишь в течение короткого времени, сомневались в том, что он вообще когда-нибудь говорит. Задавание ему вопросов и получение от него ответов было особым искусством, требовавшим хорошо развитого самоконтроля. Искреннее сомнение или серьёзный вопрос, обращённые к нему, никогда не оставались без ответа, хотя иногда именно его безмолвие было лучшим ответом на поставленный вопрос. От задающего вопрос требовалась способность терпеливо ждать. Чтобы обеспечить максимальную вероятность получения хорошего ответа, вы должны были сформулировать ваш вопрос просто и кратко. После этого вам следовало оставаться тихим и бдительным. Шри Бхагаван выдерживал время, а затем начинал медленно, с расстановками говорить. По мере продолжения, его речь набирала силу. Это было похоже на морозящий

дождь, постепенно перерастающий в ливень. Иногда это могло длиться часами, завораживая аудиторию. Однако во время звучания этой речи вам следовало оставаться совершенно спокойными и не перебивать её встречными замечаниями. Любое ваше вмешательство могло оборвать нить рассуждения, после чего Бхагаван мог сразу же возобновить молчание. Он никогда не вступал в дискуссии и никогда ни с кем не спорил. Фактически, то, что он говорил, было не взглядом или мнением, а прямым излучением внутреннего света, который проявлялся в виде слов, чтобы рассеивать тьму неведения. Конечной целью его ответа было заставить вас обратиться внутрь, заставить вас увидеть свет истины в вас самих».

ДД: Можем ли мы снова вернуться к аналогии с быком, которого надо завлечь назад в его стойло? По всей видимости, бык, символизирующий ум, должен умереть. Когда ум умирает, может ли это быть названо полным пробуждением? Есть ли отличие между пробуждением и просветлением? Конечно, мы просто используем слова, но являются ли эти состояния разными?

ДГ: Атман всегда один и тот же. Атман, осознающий Атман, всегда одинаков. Различные уровни переживаний принадлежат уму, а не Атману.

Ум может быть временно остановлен и заменен тем, что возникло как прямое переживание Атмана. Но всё же это не состояние *сахаджа*, то есть не то постоянное естественное состояние, в котором ум больше никогда не поднимается. Эти временные состояния являются очень тонкими состояниями ума. В таких случаях блаженство и мир Атмана переживаются и передаются лишь опосредованно, через «я», которое ещё не было уничтожено полностью.

Например, я переживаю пребывание в этой комнате. Я переживаю это опосредованно через мои ощущения, знания, память. Когда «я» возвращается назад в Сердце и остаётся неподвижным, без повторного возникновения, тогда в этом состоянии оно переживает эманации Атмана: спокойствие, умиротворённость, блаженство.

Но это всё ещё переживание, и, раз так, это не просветление. Это не полное осознание Атмана. Полное же осознание только тогда присутствует, когда нет никакого «я», выполняющего функцию посредника. Переживания Атмана, которые случаются, когда «я» всё ещё присутствует, могут быть названы «анонсом заманчивых перспектив», как афиша с фильмом следующей недели, но они не являются окончательным, необратимым состоянием. Они приходят и уходят, и, когда они уходят, ум возвращается со всей его обычной беспокойной жизненностью.

ДД: Каким образом развивается процесс, вследствие которого человек переходит от временных переживаний к постоянному переживанию? Достаточно ли только быть спокойным или же необходима милость Гуру?

ДГ: Отвечая на этот вопрос, я снова хотел бы обратиться к случаю Лакшманы Свами. Я уже говорил о нём, как об одном из тех, кто реализовал Атман в присутствии Бхагавана, проведя само-исследование. Так что здесь мы имеем дело с экспертом, который знает, о чём говорит.

Лакшмана Свами освещает данный вопрос очень ясно. Он говорит, что благодаря своим усилиям преданные могут достичь того, что он называет «безусильным, свободным от мысли состоянием». Это тот предел, до которого вы можете прийти самостоятельно. В этом состоянии больше не возникают мысли, желания или воспоминания. Они не подавлены, просто они больше не поднимаются, чтобы захватить ваше внимание.

Лакшмана Свами говорит, что если вы достигаете такого состояния в результате ваших собственных интенсивных усилий, а затем приходите к реализованному существу, попадая, таким образом, в поле его присутствия, то тогда сила Атмана заставляет остатки «я» вернуться назад в его источник, где оно умирает и никогда более не возрождается. Это и есть окончательная и полная реализация. И работа Гуру, который по сути своей тождествен Атману, состоит в том, чтобы втянуть свободное от желаний «я» в Сердце и уничтожить его окончательно.

Как я уже сказал ранее, этого не произойдёт, если желания и тенденции ума всё ещё присутствуют в скрытой форме. Все они должны уйти до того, как будет совершён финальный акт уничтожения «я». Ученик сам должен убрать весь ненужный хлам со своего ментального чердака, и также он должен быть в таком состоянии, когда нет никакого желания положить туда что-нибудь ещё. Гуру не может сделать эту работу за него, ученик должен сделать это сам. Когда это будет выполнено, внутренняя сила Атмана, внутренний Гуру, завершит эту работу.

ДД: У нас обоих был опыт жизни рядом с Пападжи, и мы оба слышали, как он говорил людям: «Вы получили это!» Имел ли он в виду первое, временное, состояние, или же речь шла о втором, необратимом, состоянии?

ДГ: Я бы сказал, что почти всегда имелось в виду первое. Его особым умением, талантом, мастерством было полное выбивание из-под вас вашего ментального стула. Он как-то мгновенно выпутывал вас из вашей сверхобусловленности, инфраструктуры ума, и вы падали – хлоп! – прямо в Атман. Тогда вы сразу же думали: «Вот это здорово! Потрясающе! Я просветлён!»

У него был поразительный талант – эта сила способности ткнуть вас носом в реальность Атмана. Это происходило совершенно спонтанно, поскольку в большинстве случаев он даже не сознавал, что делает это. Каким-то образом в его присутствии люди теряли ощущение функционирования посредством индивидуального «я». Когда это происходило, вы полностью погружались в чувство, знание того, что вы являетесь Атманом. Однако это состояние не задерживалось по причинам,

которые я называл. Если вы не вычистили весь хлам из вашего ментального чердака, эти переживания длились лишь какое-то время. Рано или поздно ум восстанавливается, и этот прямой опыт Атмана угасает. Он может длиться десять дней, десять недель, десять месяцев или даже годами, но затем он уходит и оставляет только память.

ДД: Значит ли это, что это второе, окончательное состояние является очень-очень-очень редким?

ДГ: В Бхагавад Гите Кришна говорит: «Из многих тысяч людей лишь один действительно серьёзен, а из многих тысяч серьёзных людей лишь один воистину познал Меня как Я Есть».

Это один человек на миллион, и я думаю, что это ещё даже слишком обнадёживающая оценка. Лично я считаю, что таких людей намного меньше.

ДД: Это подводит нас к теме о недавно вышедшей серии ваших книг. В них речь идёт о людях, которые были близки к Бхагавану. По-видимому, вы выбрали тех людей, которых вы считали достигшими окончательной реализации.

ДГ: Нет, абсолютно не это было критерием. Изначально моей целью было донести до людей материалы, которыми располагали преданные Бхагавана и которые ещё не издавались на английском. У меня нет никаких мнений относительно духовной зрелости этих людей или относительно степени их духовного совершенства. Мой главный мой вопрос был таким: «Было ли это опубликовано на английском ранее, и, если нет, будет ли это сейчас достаточно интересным для публикации?»

ДД: То есть в книгах вы не высказываете никаких предположений о том, каких состояний достигли эти люди?

ДГ: Я позволяю людям говорить самим за себя.

Во второй главе первой части книги «Сила присутствия», например, говорится о человеке по имени Шивапракашам Пиллай, который провёл рядом с Бхагаваном пятьдесят лет. Я уже его упоминал, это тот человек, который сохранил ответы, написанные Бхагаваном на песке в 1901 году. Во многих местах этой главы он сокрушается: «Моя жизнь потрачена впустую!», «Я хуже собаки!», «Я просидел здесь столько лет без всякого результата!»

ДД: Однако этот человек, возможно, всё же чего-то достиг за это время, даже если он считает, что это не так.

ДГ: При жизни Бхагавана проводились ежедневные духовные песнопения на тамильском языке. Был подобран определённый материал, темы которого

исполнялись в течение пятнадцати дней. Поэзия Шивапракашама Пиллая была частью этого цикла. Каждый пятнадцатый день преданные сидели перед Бхагаваном и пели: «Я хуже собаки» и т.д.

Кто-то однажды спросил Бхагавана: «Этот человек провёл здесь пятьдесят лет и всё ещё находится в таком состоянии. На что же надеяться нам?»

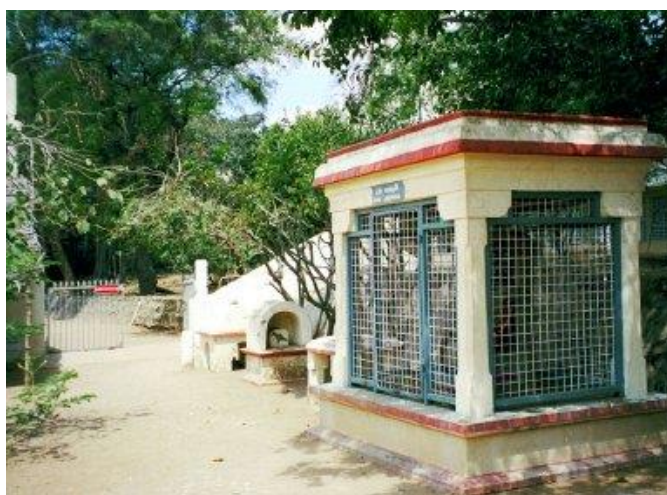
Бхагаван ответил: «Это его способ меня восхвалять».

Когда Шивапракашам Пиллай умер, Бхагаван сказал: «Шивапракашам стал светом Шивы».

Пракашам означает «свет», – вот такое произошло обыгрывание слов, составляющих его имя.

ДД: Это позволяет сделать предположение, что он достиг второго, окончательного состояния.

ДГ: Бхагаван лично «выдал» публичные «сертификаты о просветлении» только своей матери и корове Лакшми. Он действительно делал косвенные намёки на то, что были и другие люди, достигшие этого состояния, но никогда не называл конкретных имён. Он назвал только имена этих двоих после их смерти.

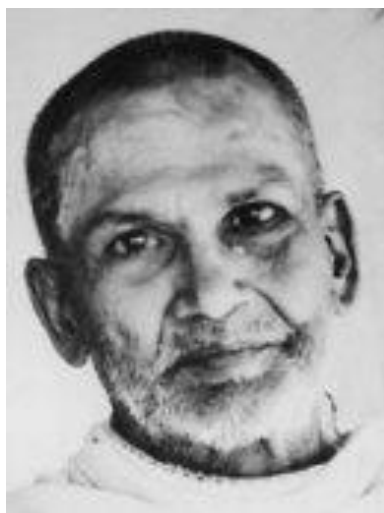
Самадхи Лакшми справа, самадхи других животных слева.

Каменное изваяние Лакшми, установленное над её *самадхи*.

ДД: Позвольте мне задать вопрос иначе. Согласно коллективному представлению ашрама и связанных с ним людей, были ли такие люди, на чей счёт у всех имелось единое мнение? Были ли люди, которых все признавали просветлёнными, даже если Бхагаван не подтверждал наличия у них этого состояния во всеуслышание?

ДГ: По этому поводу вы никогда не сможете получить всеобщего согласия, но, возможно, наиболее широко почитаемым был Муруганар. Он явный кандидат, поскольку, начиная уже с 1920-х гг. и далее, он писал поэмы на тамильском языке, повествующие о его собственной реализации. Он написал более 20000 стихотворений, и в большинстве из них он описывает свою реализацию. Многие из них были изданы при жизни Бхагавана, и Бхагаван не делал никаких попыток опровержения истинности этих описаний. Бхагаван часто читал вслух выдержки из этих книг, что убеждало многих людей в правдивости их текстов.

Муруганар

ДД: Есть ли ещё какие-нибудь кандидаты, бывшие каким-либо образом признанными Бхагаваном?

ДГ: Здесь есть один очень интересный «запасной путь». Мать Бхагавана и корова Лакшми были похоронены по обряду, который в соответствии с древними тамильскими писаниями установлен для реализованных существ. При жизни Бхагавана только ещё один преданный был похоронен таким же способом: мусульманин по имени Мастан, умерший в 1931 году. О нём мало известно, однако известно, что, когда он умер, Бхагаван немедленно отправил Кунжу Свами в его деревню, расстояние до которой было около сорока миль, с распоряжением построить что-то наподобие того святилища, которое он заказывал для своей матери, когда она умерла.

Я бы расценил это как очень ясное, хотя и не прямое, подтверждение состояния этого человека.

Мастан

ДД: В наше время много людей путешествует по миру, проводя сатсанги. Многие из них причисляют себя к линии преемственности Бхагавана. Не могли бы вы сказать что-нибудь по этому поводу?

ДГ: Прежде всего, Бхагаван никогда никого не уполномочивал учить, поэтому любой, кто заявляет, что у него есть на это разрешение Бхагавана, говорит неправду. Люди могут говорить, что они принадлежат к линии преемственности Раманы Махарши, то есть, что Бхагаван является их Гуру или Гуру их Гуру. Но я не считаю, что это обязательно даёт людям право учить. Право учить может быть получено от того, кто реализовал Атман, и также оно может прийти от Атмана изнутри. То была сила Атмана, давшая Бхагавану право говорить и учить. Никакой учитель из числа людей не давал ему таких полномочий.

Пападжи говорил: «Если вы призваны быть Гуру, Атман изнутри даст вам силу выполнять эту работу. Такие полномочия не приходят больше ниоткуда и ни от кого». Пападжи сказал мне однажды, что силу и полномочия быть Садгуру дала Бхагавану Аруначала. Я думаю, многие люди согласятся с этим.

Бхагаван никогда не получал разрешения на то, чтобы учить, от Гуру из людей, поскольку такового у него не было. Более того, я не думаю, что Бхагаван так уж хотел быть учителем. В первые годы его жизни на горе он трижды пытался сбежать от своих преданных, однако никогда не уходил слишком далеко, поскольку был накрепко привязан своей любовью к Аруначале. Возможности спрятаться на Аруначале весьма ограничены. Если вы захотите убежать в Гималаях, вам может в этом повезти, но если вы просто перебегаете от камня к камню в Тируваннамалае, люди рано или поздно догонят вас. После третьей неудачной попытки Бхагаван понял, что его судьба – быть окружённым людьми и учить их.

ДД: Можем ли мы вернуться к истории жизни Бхагавана? Меня очень поразили события его последних дней. У него была маленькая раковая опухоль на руке, которая легко могла быть вылечена западной медициной, однако он никогда не придавал этому большого значения.

ДГ: На самом деле он получил лучшее западное лечение. Ему были сделаны четыре операции, и все они были выполнены высококвалифицированными хирургами, но это была злокачественная опухоль, возобновлявшаяся снова. Единственным средством, которое, возможно, излечило бы его, была ампутация руки. Но здесь он поставил точку и отказался от ампутации.

Однако вы не должны понимать это так, что он хотел этого лечения. Когда бы его ни спрашивали, что следует делать, его ответ был таков: «Пусть природа идёт своим путём».

Врачи были приглашены администрацией ашрама и преданными, которые не хотели видеть его страдающим. Бхагаван принял всё их лечение

не потому, что чувствовал, что ему необходимо исцеление, но потому, что все эти разнообразные виды лечения были предложены как выражение преданности. Аллопаты, гомеопаты, аюрведические врачи, эксперты натурального лечения и фито-терапевты – все они приходили, и он принимал всё их лечение. Ему в действительности не так уж было интересно, преуспеют они в этом или нет, поскольку в нём не осталось ничего, что могло бы сказать: «Я хочу, чтобы это произошло», или: «Я этого не хочу». Он позволил всем им, одному за другим, что-то делать с его телом. Он позволил хирургам резать его, он разрешил фито-терапевтам ставить ему горячие компрессы.

ДД: Так он прожил всю свою жизнь. По сути, он позволил всей своей жизни просто случиться.

ДГ: Да. Наверно, он лучше докторов знал, что ему поможет, а что нет, но не вмешивался. Он позволил им сделать всё, что они хотели. Есть одна история из его последних дней, которая мне очень нравится. Однажды пришёл некий деревенский знаток трав, приготовил травяной компресс и приложил его к руке Бхагавана. Высококвалифицированные аллопаты пришли в ужас. Они считали, что теряют драгоценное время, пока на руке Бхагавана сидит эта кучка листьев. Наконец, они набросились на этого человека и заставили управляющего ашрама отменить компресс, чтобы они могли продолжать работать своими скальпелями. И, несмотря на то, что Бхагаван согласился на применение этого компресса, он согласился также и с решением его снять.

Я уже говорил, что Бхагаван не любил ничего растрачивать попусту. Он сам снял с себя этот компресс, приложил его к шее какого-то человека, у которого там была злокачественная опухоль, и сказал: «Хорошо, посмотрим, не поможет ли это тебе».

Тому человеку стало лучше, а Бхагаван умер.

ДД: В каком-то смысле вся его жизнь была живым примером полной отдачи принципу «жизнь идёт своим чередом». Мне кажется, что это то послание, которое не всегда акцентируется, поскольку с именем Бхагавана больше связано само-исследование.

ДГ: Я думаю, что ключевым словом для понимания поведения Бхагавана является санскритский термин «*санкальпа*», который переводится как «воля» или «намерение». Он означает решение следовать определённому образу действий или решение что-то сделать. Этим является *санкальпа*. Бхагаван говорил, что именно она отличает непросветлённое существо от просветлённого.

Он говорил, что непросветлённые люди всегда полны *санкальп*, полны решений относительно того, что они будут делать дальше: как они собираются планировать свою жизнь, как они собираются изменить свои

текущие обстоятельства, чтобы извлечь для себя наибольшую выгоду в отдалённом или ближайшем будущем.

Бхагаван говорил, что истинный *джняни* не имеет желания совершать что-либо в этом мире. Ничего не возникает в нём, чтобы сказать: «Я должен сделать то-то, я должен быть тем-то».

Название моей книги «Сила присутствия» на самом деле возникло из его ответа по этой теме. Я прочту вам, что я написал:

«Однажды у Нараяны Айяра состоялся наиболее ясный разговор с Бхагаваном на эту тему, разговор, давший на редкость ясное понимание того, как работает сила *джняни*:

”Как-то раз, сидя рядом с Бхагаваном, я почувствовал себя настолько несчастным, что задал ему такой вопрос: ‘Неужели *санкальпа джняни* не способна изменить судьбу преданных?’

Бхагаван улыбнулся и спросил: ‘А есть ли у *джняни санкальпа* вообще? *Дживанмукта* [освобождённое существо] не имеет никаких *санкальп* абсолютно. Это просто невозможно’.

Я продолжил: ‘Тогда какова же наша участь, тех, кто молит вас о милости и спасении? Неужели мы не получим никакой пользы и спасения, благодаря сидению перед вами или приходя к вам?..’

Бхагаван милостиво повернулся ко мне и сказал: ‘... плохая карма человека будет значительно сокращена, если он находится в присутствии *джняни*. У *джняни* нет никаких *санкальп*, но его *саннидхи* [присутствие] является самой мощной силой. Ему не нужна *санкальпа*, но его действенное присутствие – самая большая сила – может творить чудеса: спасать души, давать покой уму и даже давать освобождение зрелым душам. Ваши молитвы не получают его ответа, но они вбираются его присутствием. Его присутствие спасает вас, отводит кармические удары и приносит вам благо по обстоятельствам, [но] произвольно. *Джняни* действительно спасает преданных, но не через *санкальпу*, которой не существует в нём, а только через своё действенное присутствие, своё *саннидхи*.”»

Бхагаван с перевязанной рукой в Комнате Нирваны.

ДД: Является ли это тем, что Далай Лама и буддисты называют состраданием?

ДГ: Я не достаточно хорошо знаю буддизм, чтобы ответить на этот вопрос.

«Отсутствие *санкальп*» означает, что у просветлённого существа нет таких чувств или мыслей, как: «Я должен помочь этому человеку», «Этот человек нуждается в помощи» или «Эту ситуацию нужно изменить». Всё абсолютно хорошо так, как оно есть. Благодаря пребыванию в этом состоянии каким-то образом создаётся энергия, присутствие, которое заботится обо всех возникающих проблемах.

Это как работа приёмной офиса. Все входящие обращения обрабатываются, причём в этой приёмной они обрабатываются очень эффективно. Дверь во внутренний офис закрыта, а за этой дверью за своим столом, совершенно ничего не делая, целый день сидит *джняни*. Однако вследствие его пребывания в своём естественном состоянии создаётся энергия, которая каким-то образом взаимодействует со всеми входящими запросами. *Джняни* необходимо находиться там, во внутреннем офисе, просто оставаясь самим собой, поскольку, если бы его там не было, внешняя приёмная не смогла бы функционировать вовсе.

ДД: Это должно только укрепить проверенную временем идею, что следует пойти и сесть рядом с просветлённым существом.

ДГ: Я согласен, но таких людей трудно найти. На мой взгляд, их очень мало.

ДД: Что ж, думаю, что ваше мнение небезосновательно, учитывая то, что вы живёте здесь уже около двадцати лет.

ДГ: Двадцать пять лет.

ДД: За эти двадцать пять лет вы повстречали многих людей, которым довелось находиться рядом с Бхагаваном. Вам присущ особый аналитический взгляд на вещи, здесь вы выполняли свою практику, и вы служили нескольким учителям из этой линии. Этого должно быть достаточно, чтобы дать вам какое-то право авторитетно высказываться об этих вещах.

ДГ: У меня есть свои мнения, но я не являюсь некой авторитетной инстанцией. Не пытайтесь создать из меня авторитет. Вы можете найти многих людей, проживших здесь двадцать пять лет или более, но никто из них не согласится со мной. Вы вполне свободны пойти и выслушать их, и поверить всему, что говорят они.

ДД: Есть ли что-нибудь ещё, что вы хотели бы сказать и что подвело бы итог тому, о чём мы с вами говорили.

ДГ: Найдите учителя, чей ум мёртв, и проведите максимально возможное количество времени в его или её присутствии. Это мой совет всем, кто серьёзно относится к просветлению.

ДД: Это интересный момент. В Ришикеше мы встретили учителя, который, в сущности, сказал то же самое. Он сказал: «Вам нужно найти Гуру».

ДГ: Это тот предел, до которого вы можете дойти сами. Пребывание в присутствии Гуру всегда приносит больше пользы, чем медитация наедине с собой. Я не говорю, что медитация бесполезна. Интенсивная медитация очистит ум, и это может привести вас к компетентному Гуру, но пребывание с Гуру, – это как свободное скатывание на велосипеде с горы вместо нажимания на педали при подъёме на гору.

Пападжи высказал интересную идею. Он сказал, что, если вы медитируете достаточно интенсивно, вы накапливаете *пуньи*, которые являются духовными поощрительными баллами, каким-то образом зарабатывающими для вас право пребывания в присутствии реализованного существа. Однако, сказал он, получив однажды возможность пребывания рядом с реализованным существом, вы сможете извлечь максимальную пользу из этого, если будете просто тихо сидеть и не прикладывать никаких усилий. Когда вы сидите в присутствии такого существа, то только идущая

из него и через него сила Атмана помогает вашему дальнейшему развитию, а не то, что вы сами можете при этом делать.

Думаю, Бхагаван согласился бы с этим. Однажды он сказал одному из своих преданных: «Просто храни покой. Бхагаван сделает всё остальное».

ДД: Спасибо.